Балк.

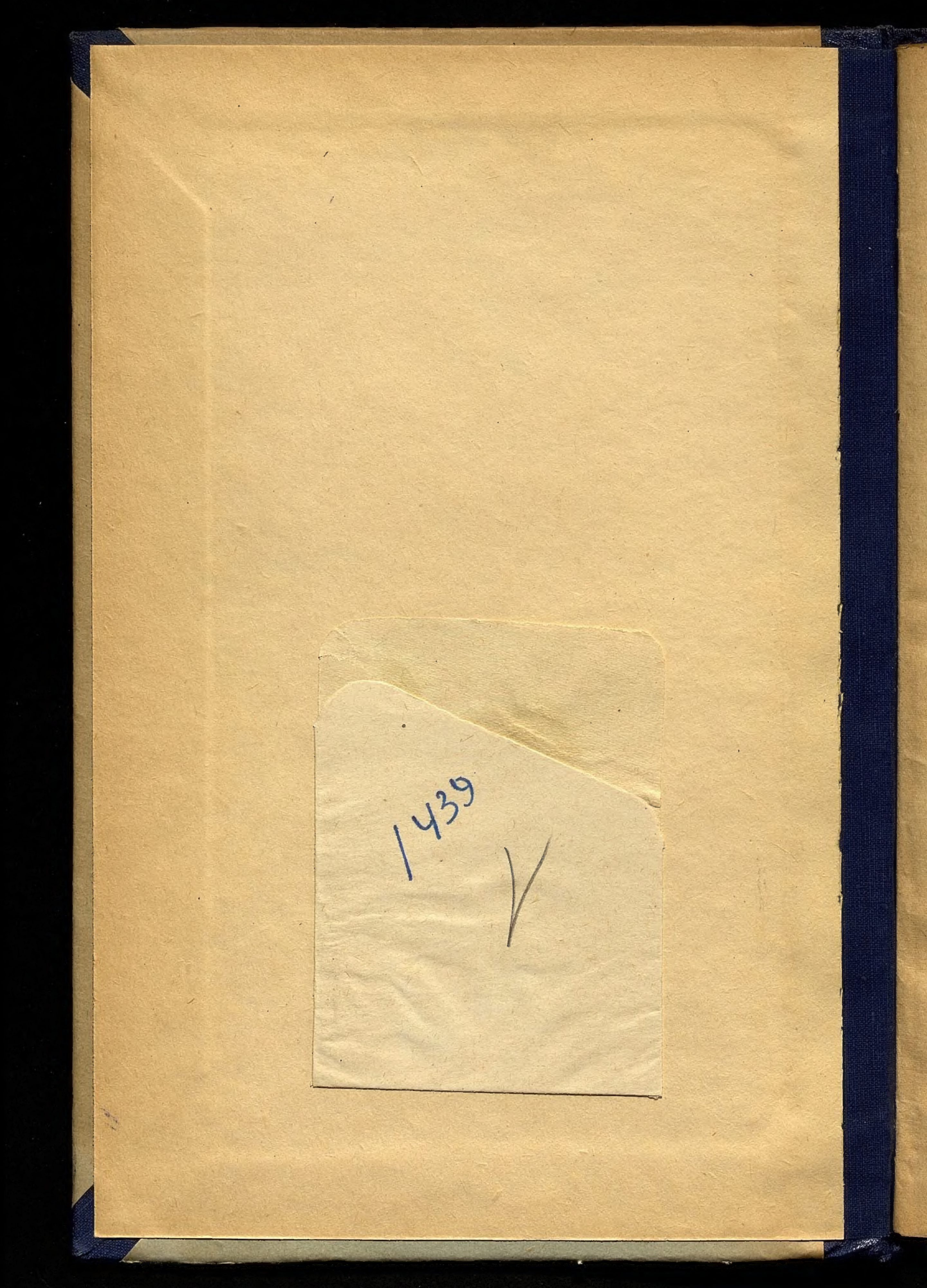
РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ ПЕХОТЫ.

Перевод с немецкого и комментарии Генерального Штаба М. А. Баторского.

Издание управления военно-учебных заведений западного фронта.
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ.

1921 г.
Смоленск.

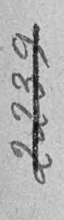

1439

Балк.

Развитие тактики пехоты.

(Перевод с немецкого и комментарии М. Баторского).

Маневренная война до большого весеннего сражения 1918 года.

Строевой пехотный устав 1898 года, периодически освежаемый и дополняемый, положил с 29 мая 1906 года в основу обучения пехоты требование активности и наступательного порыва.

Старшие начальники усматривали основные причины успеха на войне в соответствующей тактической подготовке войск, в духе проявления инициативы, в усовершенствованной стрелковой подготовке и втянутости войск в походные движения.

Нельзя отрицать того, что порыв вперед, был чрезмерно развит в войсках. Это отражалось на полноте взаимодействия артиллерии и пехоты в бою, а также лишало органы разведки необходимого им времени на рекогносцировки; замечалась также любовь к густым стрелковым цепям.

Все-же подготовка мирного времени была настолько действительной, что резервисты мало отличались в работе от кадровых чинов; офицеры запаса (ландвера) выделялись своей подготовленностью и преданностью.

Заметно сказывалось значение пройденных до войны, на учебном поле курсов; осталось пожалеть, что программа курсов была ограниченной.

С первых-же дней войны стала очевидной необходимость проверять знания каждого войскового начальника; при отсутствии соответствующей с его стороны подготовки дальнейшее повышение не производилось.

В силу наступательного порыва и личной храбрости, потери в офицерском составе в первых-же сражениях, как и в франко-прусской войне, были очень велики и в короткий срок ротами, а подчас и баталионами, стала командовать молодежь. Личность жертвующего собой начальника, его руководство, выводило войска из многих тяжелых положений, заставляя их следовать его примеру.

Считаясь с тем, что пехота, подготовленная к наступательному бою, с'умеет и обороняться, этому виду боя не было уделено должного внимания. Командование и войска уделяли обороне незначительный интерес, а к лопате прибегали неохотно.

Защита сводилась к обороне одной, по возможности группового характера, позиции, сравнительно густо насыщенной войсками; решение боя искали в атаке главными силами.

Значение выдвинутых вперед позиций, которым ранее принципиально отдавалось очень небольшое значение, по мере развития крепостной (позиционой) войны, получило другую оценку. Вследствие все большего усовершенствания авиации возник вопрос о необходимости создания ложных фортикационных сооружений.

Пехота была вооружена магазинными ружьями 98 года.

Количество положенных на полк пулеметов—шесть, было недостаточно.

Баллистические свойства пулеметов были прекрасны, но система салазок была тяжела. Щиты должны были служить защитой прислуге и в периоды временного огневого затишья, но своими размерами выдавали местонахождение пулеметов.

Снабжение шанцевым инструментом, вследствие сделанного еще до войны дополнения в штат полка специального шанцевого обоза, возившего 230 больших лопат, подверглось значительным изменениям.

Малой лопатой рота могла вырыть окоп длиной 150 метров; недостаточным оказалось снабжение плотничьим инструментом и ножницами для резки проволоки. Ручные гранаты (введенные впервые в русской армии) служили вспомогательным средством у инженерных войск.

Пехотные полки были снабжены телефонными отделениями с 18 килом. армейского кабеля, разведывательные части снабжались полевым кабелем.

Резервные формирования были снабжены слабее.

Особое значение для маневренной войны приобрели походные кухни, которые имелись в русской армии, но отсутствовали в английской и французской.

Егерские баталионы, пополненные специально подобранными запасными, имеющие задачей поддерживать армейскую конницу, были

усилены ротами самокатчиков и пулеметной ротой. Эти части, будучи специально подготовлены в стрелковом отношении, дали прекрасные результаты. Управление всеми частями войск, входящими в дивизию было об'единено в руках начальника дивизии; старший начальник (командир корпуса) сохранял за собой руководство тяжелой артиллерией, органами разведки и вопросами тыла.

Разделение дивизии на 2 пех. бригады, по 2 полка каждая, с приданной арт. бригадой, также 2-х полкового состава, с числом дивизионов по числу пех. полков, способствовало совместному действию обоих родов войск; этому несколько противоречило наличие своего одного легкого гаубичного дивизиона.

Невыгоды двухбригадной системы заключались в том, что, при завязке боя из походной колоны, бригадное управление не сохраняло своей целости и один из бригадных командиров оказывался не у дел. Более рациональным разрешением этого вопроса был-бы переход, путем сокращения числа единиц, на 3 пех. полка и на 3 арт. дивизиона, из коих один легкий гаубичный, что и было сделано в течении войны и более всего отвечало требованиям боя. Зачастую в организационных вопросах командование шло значительно дальше, перемешивая в дивизионах легкие пушки с гаубицами.

Ход операций доказал, что все новые формирования, равно как и войсковые соединения ландвера и ландштурма, при условии предявления к ним таких-же требований, как и к полевым войскам нуждались в усилении артиллерии и пулеметов. Никто в период мобилизации не мог заранее предусмотреть, где именно и на какие участки будут выдвинуты эти части.

Первоначально рассчитанная на 3 эскадрона, дивизионная конница обладала достаточной боеспособностью, которая оказывалась излишней по мере того, как работа конницы свелась к службе связи и ближней разведке.

Из технических средств, дивизия имела саперную роту и дивизионный мостовой парк; для маневренной войны этого было достаточно, но с переходом на позиционную войну этих средств оказалось недостаточно. Специальных разведывательных войск не было; в части медицинских средств имелась санитарная рота.

Тактика маневренной войны.

Операции, веденные немцами на западе, не в несли в технику боя существенных изменений и войска, наступая по методу подготовки мирного времени, выполняли задания с большим успехом, хотя подчас и с большими потерями. После первых боевых испытаний командование настаивало на необходимости разжижения наступающих цепей, а также на выигрыше во времени, необходимом для производства детальной боевой разведки и достижения большей связности в действиях пехоты и артиллерии.

На восточном театре военных действий, где мы имели дело с противником, располагавшим хорошей пехотой, к тому-же опытной в деле ведения боя ручными гранатами и в самоокапавании, наша пехота также оказалась вполне на высоте и больших изменений в технике боя не требовалось.

Устав, требовавший большой дисциплины от войск, развил в них наступательный порыв и частную инициативу в отдельном бойце, что дало им возможность умело применяться к боевой обстановке. Большие потери свидетельствовали о пренебрежении основными уставными положениями.

Превосходство германской тактики, в особенности, сказалось в бою под Саарбургом. Ружейный огонь был огромной действительности, что явилось следствием подготовки мирного времени, уделявшей внимание каждому отдельному выстрелу и развивавшей в войсках умение вести как одиночный огонь, так и целым войсковым соединением.

Главный огневой бой завязывался в 800 метрах, после чего цепи продвигались широкими и длинными скачками (перебежками) вперед, стремясь дойти до противника, зачастую не ожидая содействия своей артиллерии.

Это выдвижение скачками приводило к тому, что огонь противника ослабевал, и в большинстве случаев французы начинали свой отход, не принимая атаки, к моменту отхода наступающего на 500 метров, представляя для нашей артиллерии прекрасные цели. В ближнем бою войска чувствовали свое превосходство над противником. Пример со стороны офицеров и отдельных, наиболее воодушевленных солдат (которые в мирное время принадлежали к наиболее недисциплинированным) имел решающее значение. В бою все шли вперед и стреляли перед собой.

Уже в первых боях сказалось возрастающее значение самостоятельности отдельного бойца. В этом отношении мирная подготовка войск дала хорошие результаты. Достигшее-же в мирное время полного совершенства, управление огнем путем команды оказалось применимым, самое большее, при завязке огневого боя. Взводный командир будет стремиться, как можно дольше указывать цели и назначать прицел, но управление сравнительно скоро выскользнет из его рук и перейдет в руки отделенного начальника, а впоследствии и отдельного бойца.

Это не имеет существенного значения, если стрелок обдуманно ведет огонь, наблюдает за его результатами, патронов зря не расходует, самостоятельно усиливает огонь при появлении цели или прекращает его, при скрывшейся цели.

Пехотный устав указывал, что успех достигается переносом огня на ближние дистанции и борьбой за огневой перевес пехоты, поддержанной артиллерийским огнем; одновременно он пред'являл пехоте

требование скрытого подхода и сближения на средние дистанции, с которых и рекомендовалось открывать огонь.

За время войны все более крепло убеждение, что ведение ураганного огня по защитникам первой линии дело артиллерии и что огонь окапывающейся пехоты играет, в этом случае, второстепенное значение.

В вопросе подхода пехоты на дистанцию, с которой ей можно атаковать, помимо местности, решающую роль играет действительность нашего артиллерийского огня и перевес его над, приведенной к молчанию, артиллерией противника.

Но и при самых выгодных условиях, артиллерия расчистит своей пехоте путь к победе только при наличии в продолжении всей наступательной операции тесной взаимной огневой связи. Основное требование существования таковой, это их личное знакомство; пехота должна знать, какие ей предназначены на поддержку части артиллерии, она должна ставить их в известность о местонахождении своих передовых цепей, должна отдавать себе отчет, чего она вправе ожидать от артиллерии и насколько долго она может рассчитывать на ее содействие. Артиллерия, в свою очередь, должна знать—какую пехоту она назначена поддерживать, где она будет наступать, против какого участка фронта противника намечен прорыв, с какой стороны можно ожидать контр-наступления противника. Приданные пехотным штабам артиллерийские офицеры связи, снабженные достаточными средствами связи, передают в артиллерию желания пехоты, в то время как, выдвинутые в первую линию, артиллерийские наблюдатели сообщают на батарею о результатах ее стрельбы, заблаговременно предупреждая, когда надо переносить огонь, во избежание поражения своей пехоты. Перенос огня должен быть твердо установлен условными знаками. При отсутствии заблаговременно налаженной связи артиллерия неминуемо, бесцельно и преждевременно расстреляет свои снаряды по незначительным целям или, чего доброго, будет попадать по своей пехоте. Действительная поддержка может быть оказана лишь при условии, что пехота определенно укажет месторасположение первой линии своих цепей. В первые месяцы войны это почти всегда забывалось. Недостаточная артиллерийская поддержка вынуждала пехоту браться за лопату, чтобы удержать занятое пространство.

Пехота скоро поняла, что неосторожное поведение штабов и войск привлекает артиллерию противника, которая сосредотачивалась на тех участках, где, по мнению французских начальников, должны были находиться или двигаться германские войска.

Французы стреляли преимущественно с дальних дистанций, по площадям, расходуя много снарядов, что приводило неопытную и неосторожную часть к большим потерям, тогда как часть обстрелянная всегда с'умела-бы уберечь себя от таковых.

Беспрерывная разведка и изучение впереди-лежащей местности вопрос первостепенной важности для пехоты, чтобы ей иметь возмож-

ность быстро пройти дальние и средние дистанции, передвигаясь отделениями или неправильными жидкими стрелковыми цепями, и достигнуть позиций на дистанции в 400—500 метрах от противника. На этой дистанции цепи должны быть подкреплены резервами, передвигающимися за цепями, от укрытия к укрытию. Выдвижение резервов должно вестись также в разомкнутых строях, волнами.

Накапливание большими массами за хорошо видимыми местными предметами было-бы ошибкой.

Успех наступления всецело зависил от подготовленности младших начальников. Баталионные и полковой командиры имели настолько много дела с урегулированием вопросов связи войск и артиллерии, равно как с обдуманным и ловким продвижением резервов, что не могли лично особенно заботиться об управлении ротами.

Ночные бои приобрели большое значение, однако успех их, вследствие недостаточной подготовки, нередко бывал сомнительным.

Густые, короткие по фронту цепи, с выдвинутыми вперед лазутчиками или сомкнутые строи были наиболее выгодными. Выгоды движения без выстрела сами по себе очевидны. Все расстояния сокращались, решение боя искали в штыковом бою, без единого крика. При неожиданной встрече противника, наиболее выгодным считали атаковать его.

Так как противник безусловно готовился к огневой встрече наступающего, считалось вполне целесообразным вызвать этот огонь демонстрациями, ведя наступление в другом направлении. Во всяком случае, следовало принять меры к расчистке пути своей пехоте.

Наступление, преследующее глубокое продвижение в расположение противника, требует глубокого распределения войск с тем, чтобы на каждую группу войск противника, от которой можно ожидать сопротивления, была-бы назначена особая часть наступающих войск.

Действия при искуственном освещении (условные знаки для распознавания собственного освещения или при стрельбе по своим) и совместные действия с прожекторами требуют подготовки и умения.

При обороне должно быть разрешено открывать огонь лишь при обнаруженном противнике; рекомендованные наставлением для стрельбы, станки для ночной стрельбы не нашли себе применения; ночной поверочный огонь производился с большим успехом пулеметами, чем стрелками. Зачастую считалось целесообразным не занимать окопа, т. к. сидящий ниже защитник был в менее выгодных условиях, чем атакующий; казалось правильнее считать окоп за препятствие перед фронтом.

Выдвинутые во Фландрии, в октябре 1914 года, резервные части учли опыт предыдущих боев западного фронта, но им все-же пришлось считаться с большими трудностями, связанными с сравнительно кратковременной подготовкой, присущей новым формированиям.

Первые бои стоили неопытной части больших жертв, пока не выработались определенные приемы, принятые к лету 1915 года: подход

к противнику на дистанцию 800 м., имея впереди себя патрули, которые обязаны вести разведку противника и местности, подготавливая сбором сведений все необходимые данные для боя; выдвижение рот на узком фронте, жидкими волнами, следующими одна за другой на расстоянии 200 метров; окапывание, начиная с первой стрелковой позиции, ввод пулеметов и усиление линии огня, при доведении расстояния между стрелками до 2 шагов.

Групповые выдвижения (отделениями) на следующую стрелковую позицию, где опять таки необходимо окапываться; атака с близкой дистанции (последней стрелковой позиции), под защитой своего огня и немедленное закрепление занятого пространства, для парирования возможных контр-атак противника.

Изменения в распределении войск, снаряжении и вооружении.

Опыт позиционной войны внес к лету 1916 года изменения в распределении войск и их вооружение, как у нас, так и у противника; последнее повлияло на способы ведения боя. Дивизии перешли к трехполковой организации и одному арт. полку в 9 батарей (из коих три легко-гаубичных) и 2 саперных роты; численность дивизионной конницы была сокращена до одного эскадрона, одновременно было проведено значительное увеличение частей связи.

Тяжелая артиллерия придавалась по мере надобности. Число пулеметов было значительно увеличено. В состав каждого баталиона вошла пулеметная рота в 6 пулеметов. Со временем, путем технических усовершенствований в системе, число пулеметов на роту могло быть удвоено. Потребность своевременного пополнения частей, несших большие потери — с одной стороны, и стремление к достижению более отвечающей боевой обстановке подготовке этого пополнения, с другой — привели к созданию рекрутских депо (запчастей) в прифронтовой полосе. Каждой дивизии было придано по одному запасн. баталиону, служившему приемником.

Труднее всего было пополнить потери в командном составе; пришлось решиться на выделение части его перед серьезными боями в резерв, не взирая на то, что эта мера могла быть истолкована недоброжелательными элементами по—своему и получить несоответствующую действительности окраску.

Во Франции, с начала 1916 года, была принята та-же система распределения войск, что и в Германии, но с той разницей, что баталион был составлен из трех стрелковых рот и одной пулеметной с придачей 37 м м скорострельных пушек; во взводах специалисты были отделены от подносчиков. Увеличение силы огня достигалось еще придачей каждой роте 8 легких пулеметов—ружей и введением бомбометов. Таким образом, даже при отсутствии ручных гранат, пехота была достаточно хорошо вооружена и могла вести достаточно интенсивный навесный и прицельный огонь. В Германии ружья -пулеметы

были введены в армии с 1917 г., а бомбометы с начала 1918, когда выяснилось, что принятые в обращении минометы для маневренной войны слишком тяжелы.

Взводная колонна, как оказавшаяся на войне мало пригодной, уступает место развернутому строю, применяемому даже при сосредоточении части в резервный порядок, хотя этот вид построения и не допускает возможности производства всех учебных перестроений, равно как ведения огня из сомкнутого строя, залпового огня и перехода в атаку. Отпало также понятие о переходе из развернутого строя в колонну по отделениям, во время движения, равно как и всякого рода способы перестроений в боевой порядок, для открытия огня и для продолжения дальнейшего движения.

Рота должна уметь по приказу применять формы строя, наиболее отвечающие данным условиям местности и обстановке; построения взводов при этом могут быть различны.

Основное требование — умение рот применяться к каждому отдельному случаю. Новое значение получила колонна рядами и по одному. Иначе говоря, в положение об обучении пехоты, внесено то изменение, по которому, (как и в Англии и во Франции) пулеметчики и прочие специалисты были выделены в отдельные взводы или роты.

Каждый боец должен быть одинаково хорошо подготовлен к владению ружьем и ручной гранатой. Отделение, в одинаковой степени, должно быть обучено и подготовлено к стрелковому бою и к ударным действиям. Шесть ружей-пулеметов ставятся или на правом фланге, или в начале каждого взвода или распределяются по-полувзводно.

Батальон состоит из 4 рот, одного взвода ружей-пулеметов, разведывательного отделения и пулеметной роты. Батальон сосредоточивается по-ротно, в походные колонны или в развернутом строю. Пулеметная рота состоит из трех взводов, каждый по 2 полувзвода. Оба пулемета полувзвода возятся на пулеметной двуколке.

Для облегчения системы пулемета он может быть снят с салазок, которые заменяются станком или земляным мешком. Необходимо научить умению заряжать ночью и в противогазе. Перестроения с пулеметами делаются в большинстве случаев при свернутом и разряженном пулемете, в отличие от ружья-пулемета, которое допускает передвижение в заряженном виде, если оно поставлено на предохранительный взвод. Перестроения производятся шагом.

Приемы атаки в маневренной войне.

Противник занимает быстро сооруженные окопы без многочисленных убежищ, не имея впереди себя проволочных заграждений. Развитие и сохранение наступательного порыва в войсках является особой заботой. Только один вид боя — наступление диктует свою волю противнику; оно-же остается и при обороне лучшим средством борьбы. Для воспитанных в наступательном духе войск наступление остается выполнимым даже при сравнительно слабой подготовке поля боя.

Успех достигается при этом не числом вводимой в бой пехоты, а соответствующей ее подготовкой, снаряжением, ловкостью начальников войск, взаимодействием огневых средств, быстротой и настойчивостью действий. Без огневой подготовки возможны или внезапные или ночные атаки.

Способы действий при атаке заключаются в об'единении управления огнем и движении вперед.

Основная задача заключается в том, чтобы уметь, в даваемых основных руководящих положениях, найти правильный путь к сочетанию в атаке действий огня и ударной тактики. Пехотный устав учел, что „лучшим средством к облегчению продвижения является достижение огневого перевеса, которое определяется соответствующим ослаблением ружейного и пулеметного огня противника".

Новое положение придерживается другого мнения, считая, что ружье и пулемет не являются решающим элементом, а исход боя решается силой удара, заложенной в самих наступающих. Открытие и ведение огневого боя главным образом ложится на пулеметы: они должны сперва разбить врага и лишь после этого должна быть введена в бой пехота (сперва применять действие машинного оружия, а потом вводить в бой людской материал и рисковать его жизнью).

Пехотный устав (ст. 321) указывает, что „наступление состоит в перенесении огня". От хорошо подготовленной пехоты требовалось, чтобы „на местности, не дающей выгодных укрытий, пехота открывала огонь со средних дистанций 800—1200 метров" (ст. 326 устава). Сейчас, при значительном увеличении огневых средств, мы должны требовать большего. Пехота должна без выстрела подойти возможно ближе, открывая огонь возможно позднее.

Ширина фронта дивизии вряд-ли будет превосходить 2 километра, которые, естественно, не будут заняты стрелками равномерно.

Стрелки могут быть с успехом заменены пулеметами и ружьями-пулеметами, отчего сила огня не ослабеет, а только увеличится. Наступление, преследующее цель глубокого продвижения в сторону противника, требует длительной поддержки его из глубины резервами.

Это требование оказалось-бы невыполнимым при широких фронтах. С другой стороны, более широкий фронт желателен, как дающий возможность использовать полностью необходимую для наступления артиллерию и выгоды местности. Считаясь с этими требованиями, не остается ничего другого, как обдумать целесообразное распределение сил на дивизионном участке и наметить фронт прорыва, где атака должна будет вестись особенно интенсивно, и участок, на котором мы удовлетворимся достижением частных успехов.

Эти пассивные участки, прилегающие к атакованному и прорванному участку, отпадут сами собой и будут очищены противником под угрозой охвата их флангов.

Наставление отличает переход к боевому порядку с похода от развертывания в цепь. Первоначальное перестроение с похода в бое-

вой порядок должен собою предусматривать в скрытом виде будущую группировку, намеченную для боя. Войска ни в коем случае не должны попадать в сферу огня противника в походной колонне; однако из этого не следует, что они должны преждевременно сходить с пути следования или делать лишние передвижения. Заблаговременно организованная и своевременно доносящая боевая разведка служит основанием отдаваемого приказа.

При условии получения сведений от пешей разведки, впереди идущие патрули, руководимые в большинстве случаев офицерами, должны быть заблаговременно высланы вперед; одновременно необходимо принять все меры к быстрой передаче от них сведений в части.

Эти патрули должны быть достаточно сильными, чтобы быть в состоянии отбросить передовые охраняющие части противника.

В большинстве случаев баталион займет по фронту до 300 метров, имея 2 роты в первой линии, а остальные 2 будут следовать за первыми.

По основному положению, пулеметная рота остается при баталионе, но в зависимости от обстановки может получить и другие задания (поддержка определенного участка по особому заданию, фланговый огонь, организация так называемых пулеметных батарей).

Патрули с ружьями-пулеметами высылаются от роты заблаговременно, когда она еще в 5000-6000 метров от противника, приступает к перестроению из походной колонны в боевой порядок, получив свою полосу наступления. Открытие огня противника поставлено всецело в зависимость от степени заметности движения пехоты: чем оно незаметнее, тем фактически позднее будет открыт огонь. При движении можно рекомендовать промежутки между людьми до 6 шагов. В распоряжении роты будет участок в 150 шагов.

Дабы избежать перемешивания взводов в бою, рекомендуется выдвижение в первую линию небольших частей от каждого взвода, этого-же требует возможность выдвижения в первую линию большего количества ружей-пулеметов, без необходимости с первых-же шагов подтягивать резервы. Поддержки (резервы) следуют полувзводами, в сомкнутом или разомкнутом, одно-шереножном или двух-шереножном строю, от закрытия к закрытию. Во всяком случае они должны быть ближе к своей линии, чем последняя к противнику. Под прикрытием местности и своего артиллерийского и пулеметного огня, применяя соответствующие строи, продвигаются наши передовые роты с ружьями-пулеметами; при этом, если только возможно, огонь с нашей стороны должен быть открыт как можно позже, с наиболее близких дистанций. Пулеметы должны поддерживать пехоту, начиная с дальних дистанций, т. е. открывая огонь с 1200 метров. О времени открытия огня ружьями-пулеметами в наставлении ничего не говорится, во всяком случае выгоднее открывать ими огонь с ближних дистанций. Стремление сохранить атакующие войска в наиболее

свежем состоянии к моменту атаке приводит к необходимости перенести тяжесть завязки и проведения огневого боя на пулеметный огонь.

Требовать одинакового построения от взводов и равнения по фронту не следует: в своем продвижении взводы могут оказаться в различных условиях, поэтому наставление так и подчеркивает необходимость самодеятельности отдельных командиров.

Продвижение следует производить как можно дольше шагом.

Большие перебежки взводами выгоднее; следует считаться с готовностью к перебежкам ружей-пулеметов. Если приходится следовать по местности, бедной укрытиями, то во избежание потерь от артиллерии противника, придется применять перебежки небольшими частями, волнами, или рядами на широких интервалах. Однако такое расчленение не должно, ни в коем случае, отражаться на единстве управления (ст. 282). При продвижении ружья-пулеметы должны пользоваться случаем для развития своего огня.

На выгодные для открытия огня позиции, под прикрытием местности подаются пулеметы (ст. 373). Позиция, выбираемая для пулеметов, должна быть по возможности скрытой и незаметной противнику, т. к. опыт войны показал, что обнаруженные пулеметы быстро выводятся из строя. К об'единению огня пулеметов следует стремиться созданием пулеметных батарей. Пехота не должна отказываться от содействия пулеметов, прекращение их огня при передвижении ни в коем случае недопустимо.

Поэтому рекомендуется часть пулеметов с началом боя вести на близких дистанциях, непосредственно в линии цепей, или выдвигая их заблаговременно вперед, другую-же часть переводить с позиции на позицию, достигая этим эшелонированием непрерывности действия. Применение минометов и ружей-пулеметов зависит от обстановки. Во всяком случае участие их в бою весьма желательно.

Наставление ничего не говорит *о применении лопаты при наступлении.* Повидимому это основано на том, что в стремлении окапываться и оборудовать каждую промежуточную стрелковую позицию усматривают противоречие основному принципу—возможности быстрейшего сближения с противником для атаки. Только на этих дистанциях сразу решится вопрос успешности нашей атаки. Здесь каждый боец на учете. Лишь тот стрелок, у которого не хватит силы продвигаться дальше, возьмется за лопату для удержания занятого пространства.

Дать нормы расстояния, с которого следует переходить в атаку устав не может. По мирному времени была принята норма в 100 метров, во всяком случае к самой атаке необходимо переходить с такой дистанции, которая гарантировала-бы нам наибольшую силу удара.

Требование достигнуть ударом намеченной цели, сломив сопротивление противника силою атаки или при преследовании, должно служить руководящей нитью.

Для атаки примыкается штык-тесак к ружью (в германской армии огневой бой ведется без примкнутых штыков. М.Б.); с большину

успехом применяются ручные гранаты. Ружья при атаке остаются заряженными, ввиду большей действительности огня с ближних дистанций.

Наставление требует вести атаки на двухсторонних занятиях, с применением различного вооружения, с кирками, лопатами, штыковым боем и даже без оружия. Короткое, до атаки, могучее „ура", должно парализовать противника и завершить ее. При появлении преждевременных криков пропадает элемент внезапности. Как исключение допускается атаковать без криков „ура", дабы не привлечь внимание соседних участков. Как только прокричали ура, так сейчас-же горнисты подают сигнал „вперед" (ст. 286). К моменту атаки, ружья-пулеметы должны быть в первой линии, так как огонь их с ближних дистанций, в период самой атаки и начатого преследования весьма полезен.

По завершении атаки наступает момент ослабления, который надо сейчас-же побороть, дабы быть готовым парировать контр-удары. Для этой цели, т. е. отражения контр-атак противника, могущих последовать с его стороны, следует применять пулеметы.

Оставшиеся позади пулеметы и минометы должны быть сразу подтянуты вперед, нужно только избегать первоначального их сосредоточения в одном пункте, дабы не подвергнуть обстрелу неприятельской артиллерии. Начальники должны после атаки первым делом привести свои части в порядок и, в зависимости от обстановки, или приступить к преследованию или перейти к обороне. При обороне следует следить за выдвинутыми вперед разведывательными партиями и выдвигаемыми батареями.

С первых-же шагов преследования нужно установить наблюдение за флангами, связаться со своей авиацией и с артиллерией, указав ей линию фронта передовых частей, равно как подтянуть переносные проволочные заграждения, огнеприпасы и средства связи.

Наставление не упоминает об обороне, считая, что основные положения позиционной войны вполне применимы и для маневренной войны. Принцип разделения огневого и ударного действия войск, выдвинутый позиционными условиями ведения боя, остается в силе и при обороне в условиях маневренного ведения операций.

Если оборона принимает характер длительной неопределенности, часть бойцов может быть с успехом заменена пулеметами; последние могут быть легко выведены из-под огня и поля зрения противника.

Получающаяся экономия в стрелках может быть использована для усиления войск, предназначенных к отражению контр-атак, однако при условии, что от этого не подвергнутся опасности действующие пулеметы.

Залог успеха при обороне кроется в умении замаскировать свои передвижения и группировку от воздушной и пешей разведки.

Охраняющие части могут замедлить атаку, оспаривая у атакующего ряд пунктов, необходимых ему для наблюдения за огнем и для разведки.

Атакующий, пользуясь при продвижении ложбинами и местными укреплениями, стремится под прикрытием своей артиллерии и пулеметов, достичь как можно скорее дистанций дла атаки, в особенности командующих пунктов или дающих выгоды фланкирования.

Выгоды скрытого подхода парализуются затруднениями, встречаемыми при разворачивании, отсюда вытекает применяемый способ огневой обороны.

Бой решается, в конечном счете, вводом в действие, скрытых от огня и взоров противника, резервов.

Позиционная война до весенней битвы 1918 года.

Позиционная война на Западе до первой атаки Вердена.

Усилившаяся боевая деятельность на Востоке вынудила нас, учитывая превосходство противника в людях, снарядах и прочих военных припасах, перейти на Западе к обороне, в надежде, что атакующий нас противник ослабеет от потерь. Непрерывный рост значения всех применяемых при атаке технических средств не оправдал в полной мере наших предположений. Атакующий также прибегал к лопате и вводил свои войска непосредственно перед боем, сохраняя за собой инициативу выбора места и времени, тогда как обороняющийся был вынужден, в ожидании наступления, держать войска в окопах. Таким образом позиционная война являлась вспомогательным средством, от которого командование обязано было, при первой возможности, отказаться.

Первоначально позиции выбирались с большим обстрелом, строились в одну линию, представляя собой в поперечном разрезе окоп полной профили с траверсами между отделениями. Всякое понятие о распределении войск в глубину отсутствовало, самое большее, если впереди первой линии имелись небольшие окопы для охраняющих постов. Вся тяжесть боя лежала на первой линии. На создание ложных фортификационных построек не хватало времени.

Ходы сообщения и параллели существовали в ограниченном числе, убежища защищали лишь от шрапнельного огня; не везде уделялось должное внимание фланкирующему огню.

Оборудование групповых укреплений возродило систему опорных пунктов, дававших наиболее действительный огонь с дистанции 400 метров; они строились в форме полукруга и обладали той невыгодой, что вмещали лишь небольшой гарнизон; от постройки этого типа укреплений командование быстро отказалось. Заграждения впереди окопов должны были располагаться от линии окопов в расстоянии, допускающем наблюдение за ними из самих окопов (примерно, в 50 метрах).

Применяемые формы укреплений соответствовали указаниям, данным в наставлениях саперных войск, однако при распланировке их не была учтена возможность скорого появления у противника тяжелой позиционной артиллерии и необходимость иметь дело со снарядами крупных калибров. Скоро, однако, было признано, что атакующий, обладая большим числом артиллерии, при соответственном запасе снарядов своим ураганным огнем в состоянии сравнять с землей окопы самой глубокой профили, изрыв всю местность до неузнаваемости; даже убежища с самым основательным перекрытием не давали уверенности в том, что они не будут засыпаны.

Известную гарантию давали дальнейшие усовершенствования укрытий и ходов сообщений; это-же дало возможность оборудовать большое количество укрытий, разбросанных как по фронту, так и в глубину. Этим самым за первой линией возник ряд линий, в которые и допускался отход защитников первой линии при сильном обстреле ее артиллерией противника.

При крепком грунте предпочитали строить узкие и глубокие окопы; но они требовали принятия предварительных мер при открытии встречного огня, осушки от воды, одежды внутренних крутостей, без которой скоро осыпались, и, наконец, усилий по спасению засыпанных в убежищах людей, что было особенно затруднительно.

Командование справедливо задавало себе вопрос: отвечает ли тяжелая работа по вырытию и поддержанию окопов той слабой защите и сопротивляемости, которую они предоставляют своим защитникам от ураганного огня противника.

Отсутствие гарантии в том, что каждая позиция не будет сравнена огнем противника, увеличило значение 2-й и 3-й позиций, против которых противнику пришлось-бы начать новую артиллерийскую подготовку.

Поэтому отпал, существовавший до сего времени, взгляд о выборе только одной позиции и необходимости ее основательного укрепления.

Все наставления вполне основательно указывали на необходимость снижать бруствер, насколько позволяли неровности местности, имеющаяся впереди растительность и условия почвы. Но выполнение этих указаний не было достаточным, коль скоро артиллерия противника имела возможность иметь за ними наблюдение и не было средств укрыть от воздушной разведки противника окопы и выдававшие их заграждения. Ложные окопы оказывали слабую помощь. Таким образом к 1915 году было внесено еще изменение: мы отказались от большого обстрела, придвигая зачастую первую линию с переднего ската возвышенности на ее обратный склон, ограничиваясь расположением на последнем одного наблюдающего охранения, которое зачастую располагалось в ложных окопах.

Выгода, которую могла дать защита позиции с хорошим обстрелом при затрате ограниченного числа стрелков отпадала, т. к. сильная артиллерия противника не дала-бы возможности защитникам использовать силу своего оружия.

Конечно вышеуказанным путем достигалась защита от артиллерийского огня, но ограничивалось действие своей артиллерии и облегчалось противнику движение на средних дистанциях.

Артиллерия атакующего могла в короткий срок перебросить своих наблюдателей на линию брошенных или слабо занятых на высотах наших окопов, после чего, необеспокоенная артиллерийским огнем обороняющегося, будучи в мертвом пространстве и имея хорошие наблюдательные пункты, могла уничтожить его пехоту. Выбор позиции во многом зависел от выгодного расположения наблюдателей.

Опыт войны в деле закрепления позиций по данным генинспектора саперных и инженерных войск привел к требованию иметь часть людей, обученных бросанию и изготовлению ручных гранат до того времени, когда эти гранаты станут поступать с заводов. Рекомендовалось при упорной обороне иметь не менее одной-двух позиций, расположенных в расстоянии 1—2 километров одна от другой и состоящих каждая из нескольких линий обороны друг от друга с промежутком в 50—100 метров. На наиболее важных участках, окопы приспособлялись для защиты во всех направлениях и обносились, даже с обратной стороны, заграждениями. Для предовращения больших обходов рекомендовалось применять рассредоточенное расположение войск.

На значении дальнего обстрела не настаивали, зато рекомендовалось фланкирующее применение в передовых окопах траншейных орудий и пулеметов. Войсками также охотно применялись бойницы. Небольшие убежища имелись в передовых окопах, более солидные, даже на целые взводы, во 2-й и третьей линии.

Первая линия считалась боевой, линией огня, окопы 2 и 3 линии зачастую рассматривались, как ходы сообщения. Прикрытия для защиты от прямых попаданий полевой гаубицы делались толщиной в 2 метра (перекрытия делались с прослойками камней, бревен и т. п.)

Перекрытия из бетона делались толщиной 0,5-1 метр.

Не было сразу оценено значение наличия двух выходов из убежищ.

Искусственные препятствия располагались впереди окопов, в расстоянии 20-30 метров, в 2-3 полосы, шириною 6-10 метров каждая.

Настоятельно необходимой оказалась более тесная совместная работа пехоты и артиллерии. Тактика обоих становилась неразделимой. Участие артиллерии в определенное время и на определенных участках имело первенствующее значение, как в атаке, так и при обороне.

Пехота в современной войне не может действовать без решительной помощи артиллерии. С другой стороны, действия артиллерии бесполезны, если они не будут своевременно использованы пехотой. Поддержка может быть оказана в том случае, если линия боя хорошо известна артиллерии. Это же осуществимо при условии, если артиллерия будет своевременно ставиться в известность через своих наблюдателей на самолетах о линии расположения боя, путем применения пехотой полотнищ или блестками, а также опознавательными квадратными флагами красно-бело-черными или желто-красными.

Успех совместных действий артиллерии и пехоты зиждется на работе офицеров связи.

Боевой приказ должен предусматривать соответствующее ознакомление офицеров связи с общим распределением сил. Помимо этого они должны знать, какие батареи намечены для ведения заградительного огня на данном участке, какие батареи пристреляны и к каким пунктам и по каким путям можно достигнуть мест расположения этих батарей. Требование поддержания связи не должно предъявляться только одной артиллерии; в этом отношении и пехота должна идти навстречу. Артиллерия неоднократно жаловалась на то, что пехота в этом деле не шла ей навстречу, и на то, что ее офицеры связи не ставились в известность о намерениях пехоты и не были достаточно ориентированы о ходе боя. Тем не менее, зачастую артиллерии неожиданно предъявлялись такие требования, которые она, несмотря на выполнение ею самых различных задач, исполнить не могла.

Опыт зимних боев 1914-1915 годов был изложен ген. Жоффром в наставлении от 16 апреля 1915 г., скоро попавшем в наши руки, озаглавленном: „Предварительные условия и цели общего наступления". Положение было принято к руководству союзниками и служило руководящим указанием почти до конца 1916 и начала 1917 г.г.

Основа этого положения, основывающегося на опыте веденных боев, заключалось в том, что войска, после 4-х часовой сильной арт. подготовки, которая однако могла вестись и днями, должны были укрыто подводиться в окопы или щели на дистанцию, позволяющую приступить к штурму примерно 150—200 метров. В течении ночи, предшествующей штурму, вырывался еще ближе к противнику новый окоп, для исходного к штурму положения. Атака должна была начаться с удара в штыки, окопы противника атаковывались следующими одна за другой волнами; для этого бригады и полки располагались сильно эшелонированными в глубину. Участок каждой дивизии исчислялся примерно в 1200-1500 метров.

Наступательное движение должно было иметь конечной целью возможно более глубокое проникновение за прорванный фронт противника, чему способствовали подталкивающие сзади-идущие резервы.

Атакующие волны следовали одна за другой, на малых дистанциях и состояли из рассыпанных рот, с интервалом между стрелками не более 1,2 метра. Таким образом на протяжении 1200 метрового фронта и 170-ти в глубину действовало 3600 бойцов.

Наступление выполнялось одной бригадой, в то время, как 2-я была расположена по квартирам, в полной боевой готовности. Расположение полков в затылок один другому должно было привести к полному перемешиванию войсковых соединений, что исключало возможность управления. Небольшая часть артиллерии должна была привести к молчанию батареи противной стороны, третья часть большей половины, имела задачей разрушение искусственных препятствий, а 2/3 разрушали окопы противника, облегчая своей пехоте овладение ими. Расчеты по опыту боев строились не на неожиданности, а на действительности удара живой массой, количестве огнеприпасов

в силе удара превосходной и свежей пехоты. Вместе с тем этот способ требовал или больших предварительных окопных работ, или вынуждал атаковать не на более выгодных, по местным условиям, участках, а там, где противники были уже сближены до расстояния, допускающего удар в штыки.

Для отражения веденной таким способом атаки противника мы требовали: наличия больших интервалов между окопами 2 и 3 линии, защищенных искусственными препятствиями, с многочисленными убежищами, которые должны были заниматься одновременно с первой линией, и использования флангового огня пулеметов и отдельных скрыто-расположенных штурмовых орудий (легкие орудия). Ворвавшийся противник должен был быть немедленно встречен контр-атакой. Обнаруженные батареи должны были быть еще заблаговременно приведены к молчанию. Должны были быть приняты меры к уничтожению, действием тяжелой артиллерии и минометов, всех подготовительных работ противника и отбрасыванию его в исходное положение, а во время наступления, действием огнем по первой линии неприятельских окопов, воспрепятствовать ему в продвижении своих резервов.

Атака в Шампани была 3 армией своевременно обнаружена. Исключительные обстоятельства не позволили усилить атакуемый фронт 4-х дивизий. 22 сентября началась артиллерийская подготовка, которою обороняющийся стремился парализовать приведением к молчанию отдельных батарей.

Применение противником газа и корректирование стрельбы с самолетов давало его артиллерийской подготовке большую действительность сбрасыванием бомб летчики стремились произвести беспорядок и панику в нашем тылу. В ночь с 24-25 началась оживленная фортификационная работа, чтобы подойти на дистанцию штурма. Ходы сообщения допускали скрытый подход резервов с дистанции 5 кл. Дабы иметь в своем распоряжении при удаче после прорыва весь день, противник начал штурм в полдень 25 IX 19-ью дивизиями первой линии и 8-ью второй линии, на участке Массиж-Оберив, шириной по фронту 33 км. (по 1200 м. на дивизию) против наших 4-х дивизий (по 8000 метр. на каждую). Наставление Жоффра к этому времени было изменено и дивизии атаковали, имея в линии 3 полка и четвертый в резерве; штурмующие полки распределялись на 3 густых волны, по батальону в каждой, а на менее важных участках шли одна-две роты.

Впереди первой волны шли гренадеры, за первой волной „чистильщики" (должны были тщательно осматривать окопы, обезоруживать оставшихся и т. п.), а за третьей линией команды по сбору трофеев.

Веденные конными офицерами роты резервных полков шли отделениями или взводными колоннами.

Целью атаки было овладение шоссе [illegible], продвижение же было существенным. [illegible] обе стороны [illegible] Сомм-Пи, шириною в 17 км. и восточнее Тет-де-Мениль.

Глубина прорыва равнялась у Сомме-Пи и у Бют-де-Тагюр 3500, на прочих участках 1500—2000 метров.

С нашей стороны отражение велось заградительным огнем. Противник закреплял достигнутый успех резервами, не взирая на большие потери. Результатом этого было перемешивание частей. К вечеру 25-го атаке подверглись окопы 2 линии, расположенные по опыту зимних боев на обратном скате возвышенности.

Последующие дни прошли в безрезультатных боях местного значения, постепенно ослабевавших и закончившихся в месячный срок. Артиллерийская поддержка при содействии авиации была хорошо подготовлена. Ураганный огонь привел в неузнаваемый вид все начертания окопов. После удара во многих местах была потеряна связь батарей со своей пехотой, что привело к обстрелу последней своей же артиллерией.

Действие артиллерии внесло разочарование: несмотря на богатое снабжение огнеприпасами, она не имела все-же сил разбить даже численно уступающего противника. Германская пехота выявила свои блестящие качества. В сознании своего долга, каждый боец оставался на своем посту, самостоятельно проявляя инициативу, выполняя свой долг, при отсутствии выбывшего командного состава продолжая бой даже в условиях всестороннего окружения противником.

Оборудованные в меловом грунте туннели позволяли иметь вблизи боевой линии резервы для перехода в контр-наступление. В последующих боях, в связи с усовершенствованием средств атаки, туннели превратились в ловушки. Эти осенние бои дали повод считать, что каждая позиция должна состоять не менее, как из 2-х линий, удаленные одна от другой на таком расстоянии, что артиллерия противника не могла-бы поражать их, с одной и той же позиции. Основная задача 2-й линии: воспрепятствовать атакующему после прорыва распространиться в стороны и этим самым развить достигнутый им успех. Каждая позиция должна состоять из 2-х линий, удаленных друг от друга на 50—100 метров и связанных между собой большим числом ходов сообщений, приспособленных к обороне. Первая линия, снабженная большим числом пулеметов, должна была служить основной линией обороны. Эшелонированное расположение предохраняло от излишних потерь, но оно не должно было приводить к раздроблению войск. Гарнизон охваченного со всех сторон участка позиции, в ожидании контр-атаки должен устоять натиску противника. Узкие, глубокой профили окопы, с хорошо одетыми крутостями могли быть применяемы лишь на пассивных участках. Бойницы применялись попрежнему, убежища должны были противостоять огню 15 см. орудий, гарнизон 1 и 2 линии должен был быть расположен в казематах, давая фланговый огонь. Преимущества позиций, расположенных на задних склонах, стали очевидными.

Постоянное стремление к наступлению, не оставляемому и при обороне, привело к нашему наступлению 21—II—1916 г. на Верден. В этих боях, где нам пришлось действовать против заранее, еще в мирное время укрепленных позиций, усиленных за 18 месяцев

войны, сказалось превосходство нашей артиллерии и пехоты. Во всяком случае успех нашего прорыва был значительно больше, успехов, достигнутых французами в Шампани и англичанами у Артуа. Уроки, которые мы извлекли из этого наступления для всех родов войск, имели огромное значение для будущих наших наступательных операций. Они подчеркнули значение взаимодействия артиллерии и сапер и показали, что миномет является весьма ценным, для атаки, оружием. Умению работать пулеметом и ручной гранатой требовалось обучить возможно большее число людей.

Для атаки существует лишь одно правило:

Быстрое движение, использование самого незначительного, даже, успеха, продвижение вперед, насколько этого допускает действие своей артиллерии, моральное потрясение противника и нанесение ему потерь. Везде рекомендовалось продвигаться в тесной связи с артиллерийской и минометной подготовкой, широким фронтом, жидкими волнами, сопутствуемыми пулеметами, саперами и артиллерией. Расстояние между стрелками в волнах до 3 метров, удаление волны от волны, во избежание потерь от заградительного огня, 30—50 метров. Прорывы в искусственном заграждении, воронки от снарядов должны были быть использованы для сосредоточения.

Это привело к мысли, что выгоднее, вместо стрелковой цепи, слишком легко застревавшей в окопах, применять небольшие ударные отделения, составленные из гренадер, стрелков, сапер и носильщиков. В них в большей степени сказывалась личность начальника, от которого, в конце концов, зависит все. Упорная оборона французов в, укрытых, в лесах, блокгаузах и блиндажах, невыгоды, которые получались из-за того, что не было своевременно понято значение огня в ближнем бою, понудили прибегать к штурмовым войскам силою в 1—3 отделения, с приданными отделением сапер, пулеметом, легким минометом и огнеметом. Эту штурмовые части, после специально полученной ими подготовки, держались за фронтом в распоряжении ротных командиров.

Бой на Сомме и атака Нивеля у Вердена.

Результат осенних боев внес среди союзников разочарование. Они надеялись, ввиду усиленного притока огнеприпасов, достичь более реальных результатов в намечаемой ими, к лету 1916 года, операции на Сомме. В осеннем сражении противнику удалось достичь успеха по овладении окопов 1-й линии, но перед 2-й линией наступление захлебнулось. При подготовке летней операции это было учтено.

При разработке операции были приняты во внимание основные положения наставления Ж о ф ф р а, но имелось ввиду организовать прорыв с расчетом на овладение обоих линий. Это сквозное продалбливание союзниками наших позиций знаменует собой происшедшую у них эволюцию мысли, основанную на опыте предыдущих боев. Элементу неожиданности уделялось весьма небольшое внимание. Союзники возлагали большую надежду на свое явное превосходство

в воздухе, что давало им возможность в большой мере содействовать с воздуха бою на земле.

Первого июля 1916 г. англо-французы атакавали, но не достигли намеченных целей. Своему первоначальному успеху они обязаны огромному расходу в огнеприпасах, превосходству в воздухе и бесцеремонному вводу в бой большого числа пехоты.

Численно уступавшая германская пехота с'умела уберечь себя от губительного огня и выйти из боя, не будучи окончательно потрепанной, как того ожидали союзники. Окопы превратились в сплошное поле воронок, что же касается до убежищ, то имевшие перекрытие толщиной в 6 метров устояли и могли быть использованы, если только не засыпались ходы сообщения к ним.

Дивизии, на которые выпал центр тяжести боев, нуждались в смене. Здесь, в особенности, сказалась необходимость иметь при длительных боях в тылу соответствующие резервы в стоящих на позиции дивизий. Зачастую, этим „свежим дивизиям" приходилось занимать сильно разрушенные участки позиций, которые не давали им всего необходимого для упорной обороны, чего требовали новые условия боя.

Работы под огнем противника были почти невозможны, и все же войска, ободряемые своим командным составом, стойко держались. Этот период боя, когда пехота была вынуждена выдерживать ураганный огонь, был наиболее тяжелым и больше всего отражался на степени сопротивляемости войск.

Лишь основательная подготовка в периоды затишья и активное ведение обороны, могли сохранить за немецкой пехотой ее прежнее превосходство. Выслеживание в воронках от снарядов оказалось легче, чем этого предполагали. Летчики противника могли давать своей артиллерии лишь неточные данные о линии противника, занимавшего воронки, что приводило к тому, что батареям приходилось удовлетворяться стрельбой по площадям, которое, естественно, приводило к численному сокращению наших потерь. Те-же позиции, которые были сфотографированы летчиками, засыпались в самый короткий срок ураганным огнем. Этим об'ясняется, что войска не особенно охотно принимались за окопные работы и создание укрепленных линий из ям и рытвин на поле боя.

Возникал вообще вопрос: не является ли более правильным отказаться от окопов, требующих на свое оборудование много времени, а ограничиваться искусственными препятствиями и убежищами.

Если это требование по первоначальному обсуждению и являлось как будто выгодным, то все-же, при ближайшем рассмотрении, оно имело много отрицательных сторон при ведении позиционной войны, затрудняя наблюдение войск, эвакуацию раненных, управление и связь. К этому бы осенью присоединились еще невыгоды большого расхода людей, предоставленных всем невыгодам непогоды и сырости, вплоть до наблюдавшихся случаев, когда войскам приходилось стоять в воде выше колена.

Отсутствие искусственных препятствий перед позицией, созданной по линии воронок, не дает гарантий против атаки, даже мелких

патрулей противника; контр-атака с нашей стороны, за отсутствием ходов сообщений, была-бы трудно выполнимой. Затруднения, встречаемые артиллерией по распознаванию своих позиций лишило-бы атакуемые участки содействия заградительным огнем. Занятие бойцами воронок являлось естественным стремлением укрыться от последующего действия снарядов, но этим самым терялась связь с соседом и части отрывались друг от друга. Одной зрительной связи, как показал опыт недостаточно: требуется еще и координирование своих действий с соседями и связь, дающая возможность личных переговоров. Войска, ведущие упорный фронтальный бой, не думают о своих флангах. Положение более устойчивых войск, при отходе соседа, становится затруднительным, из него можно выйти или оттягиванием части назад, или контр-ударом. Поэтому наиболее слабыми всегда будут места стыков двух войсковых соединений, на эти стыки преимущественно и были направлены удары противника, которые отражались обороняющимся, особо выделенными командами, располагаемыми на стыках, получивших в германской армии наименование „Nahtkommandos" от слова „шов" (Naht). Потребность ослабить действие артиллерии противника приводила к рассосредоточению средств обороны в глубину: оказалось более целесообразным, укрыть часть пулеметов, располагая их между 1-ой и 2-ой линией. Это было в особенности выгодно, при возможности, дать соответствующую группировку искусственным препятствиям, наводящим атакующего на эти пулеметы.

В германской армии вполне ясно сознали, что прорыв может быть парализован глубиной позиции обороняющегося. Прочность обороны вовсе не зависила от удержания в своих руках первой линии, что приводило к насыщению ее стрелками и большим потерям. Гораздо выгоднее вести оборону активно, избегая действия артиллерийского огня противника, искать решения в контр-наступлении одновременно с началом атаки противника, дабы этим контр-ударом или подготовленным ударом подведенных резервов, вернуть в свои руки линию окопов. В боях на Сомме часто сказывалось отсутствие этих резервов.

Там же, где применялся способ немедленной контр-атаки, противник обязательно утрачивал занятое, и нередко ставился под вопросом результат всей его артиллерийской подготовки и начатой операции.

При неудаче контр-наступления, предпринятого дежурными частями (расположенными в 100 метрах), задачей всех начальников было приостановить, всеми имеющимися у них средствами, дальнейшее распространение прорыва и его ликвидация.

Этого можно достигнуть, в отношении дальнейшего распространения в глубину, использованием расположенных в тылу позиций, и, в отношении распространения в стороны, занятием приспособленных к обороне ходов сообщений. Гнездо (так выражались германцы о французах и англичанах) постарается, возможно скорее, закрепить занятое пространство, поэтому наиболее опасные исходящие узлы требуют усиления, дабы они не могли попасть в руки противника.

Войска с трудом приучались к новым основным положениям, по которым первая линия слабо занималась, потому, что они боялись потерять 1-ю линию, вернуть которую, стоило больших трудов. Создаваемые французами при прорыве, гнезда, значительно облегчали им дальнейшее продвижение; восстановление утраченного положения требовало от обороняющегося больших усилий.

При малых расстояниях между противниками, очень часто бывали случаи, что сильный гарнизон окопов первой линии, при атаке противника, не успевал своевременно выскочить из своих убежищ и попадал в плен.

При занятии окопов первой линии слабыми силами, рекомендовалось распределение войск в глубину. В боях на Сомме, в передовой линии считали достаточным иметь одного стрелка на каждые 3—7 метров, при одном пулемете на каждые 200 метров. Эти цифровые данные не имеют большой цены ввиду того, что на величину гарнизона влияет слишком много данных.

Действия пулеметов противника с воздуха были для пехоты особенно чувствительны; первоначально она не пыталась даже защищаться, предполагая, что огонь артиллерийских дивизионов, повлияет на авиацию противника и ослабит ее деятельность.

Лишь впоследствии пехота поняла ошибочность своих взглядов и в своих пулеметах нашла лучшее средство защиты...

Сражение на Сомме показало, что с указаниями об атаке, составленными Жоффром, успеха не достигнуть и этим путем не сломить силу сопротивления германской пехоты.

В боях 24 ноября и 15 декабря 1916 года под Верденом, генерал Нивель, ставший во главе французской армии, испробовал другой способ атаки, который схематически значительно расходился с указаниями Жоффра, в отношении понятий и взглядов на влияние местности и ее использование, и привел французскую армию к выигрышу большого пространства.

Наставление о ведении атаки по способу Нивеля от 16 XII—16 г. попало в наши руки два месяца спустя, при удачном овладении нами высотами южнее Рипона. Успех атаки, по его мнению, покоится на неожиданности и артиллерийской подготовке. Элемент неожиданности вынуждает отказаться от всех, отнимающих много времени, земляных работ, как-то: пути сближения, окопы для резервов, новые позиции батарей и, главное, окопы сближения. Лучше вести атаку под прикрытием артиллерийского огня с дальнего расстояния по открытому полю, чем терять элемент внезапности; по этим-же соображениям на атакуемом участке не следует заблаговременно вводить в бой воздушные средства, а атаку неприятельских привязных шаров начинать не раньше суток до начала атаки. Первый натиск должен быть доведен до места расположения артиллерии противника. Наиболее сильно укрепленные и упорно обороняемые места позиций не атакуются, а составляют специальную задачу артиллерии по их разрушению.

Таким образом создалось, на соответствующих атакуемых участках, расчленение войск на штурмующие и на резервы. Полоса, поручаемая атакующей 9 батальонной дивизии, равнялась 2000—2400 метрам, а по мнению Жоффра 12 батальонам следовало поручить не больше 1200—1500 м., Нивель считал, что ввиду сравнительной легкости, с которой удавалось прорвать 1-ю линию, весь центр тяжести следовало перенести на резервы, которые должны с короткими передышками продолжать дальнейшие атаки и продвижение и тем самым увеличивать глубину прорыва, а движением во фланг и тыл упорно удерживающихся соседних частей окончательно сломать сопротивление противника. Нивель расчитывал на слабое занятие 2 линии и на то, что искусно руководимые небольшие части сумеют продвинуться вперед. Артиллерийская защита во время атаки достигалась автоматическим непрекращающимся огнем, переносимым постепенно вперед примерно на 100 метров через каждые 4 минуты и созданием артиллерийского резерва путем изъятия артиллерии из дивизий, не предназначенных для атаки.

Если атакующий нащупает слабые места, то проникнуть ему легко, при условии что позиция обороняющегося не обладает достаточной глубиной. Отсюда вытекает значение особого прикрытия артиллерии, заблаговременно обдуманного плана контр-удара и своевременного подтягивания сил, которые, однако, могут быть правильно использованы, лишь при хорошо налаженной связи. В этом контрударе из глубины и был залог исхода боя. К нему готовились и о нем договаривались всесторонне.

В середине зимы 1916/17 г.г. на Сомме, в Шампани и под Верденом был ряд отдельных боевых эпизодов, весьма поучительных как атак, преследующих ограниченные цели.

В большинстве случаев эти атаки удавались при сравнительно небольших потерях. Эти, местного характера, успехи служили самым действительным средством к поднятию боевых качеств войск, в особенности, если еще и сами войска на это напрашивались.

Внезапность имеет большое значение для успеха, всякое повторение предпринятого наступления на одном и том же участке ставит успех под вопросом. Демонстрации вводят противника в заблуждение. Таким же способом обманывают противника и вводят его в заблуждение переносом огня вперед или назад и усилением или ослаблением его, заставляя принимать его за заградительный огонь. При настоящей-же атаке, огонь фактически должен вестись одинаковой силой и лишь под конец рекомендуется применять снаряды с удлиненной дистанционной трубкой, что дает возможность пехоте следовать вплотную за падающими снарядами.

Для атаки часто выбирали время перед началом сумерков, с таким расчетом, чтобы пехота имела в своем распоряжении до темноты около часу в течении которого она должна была успеть осмотреться, укрепиться и наладить заградительный огонь. При свете противник всегда сможет направить огонь на атакованную пехоту. Газовая атака батарей после штурма выгодна, тогда как до атаки

она усилит бдительность противника. Темнота позволяет также ввести более сильные части, которые к утру должны быть выведены, дабы предотвратить излишние потери.

Отражение опыта в уставе.

16-II-1916 года, после отбития последней атаки англичан, закончилось 1½ месячное сражение на Сомме.

Изданное в 1917 году наставление для действий пехоты преследовало цель — сделать достоянием всех войск добытый опыт войны. Повсеместное применение ручных гранат, ружей-пулеметов, снабжение стальными шлемами, легкие минометы, огнеметы, все это облегчало пехоте ведение боя. Огнеметы особенно показали себя в боях за населенные пункты, когда приходилось сломить сопротивление защитников, засевших в погребах и убежищах, против блокгаузов и при отходе из окопов. Действие огнеметов, зачастую не будучи сопряженным с человеческими жертвами, производило столь значительное моральное впечатление на противника, что вносило в его ряды панику, заставляя его бросать оружие. Огнеметные команды придаются пехоте действуя по 2 аппарата. Подход и совместное действие с пулеметами и гранатометами требуют особого навыка. Гранатометы стреляют 2 кгр. гранатами на 300 метров. Для маневренной войны они были слишком тяжелы, поэтому они были заменены ружьем, приспособленным для стрельбы гранатой (применялись, как вспомогательные средства боя для пехоты). Для осуществления наиболее серьезных атак, а также с учебными целями были созданы специальные штурмовые баталионы, которые придавались войскам в полном составе или взводами, со всем вспомогательным вооружением (пулеметы, огнеметы и пехотные орудия).

Штурмовые части (1 офицер и 6—8 солдат) должны идти в голове пехоты, на наиболее трудных участках, первыми пробиваться в пунктах решительного удара, овладевать пулеметными гнездами и блокгаузами и поддерживать пехоту в период закрепления ею занятых позиций.

Штурмовые части должны быть хорошо ознакомлены с теорией окопного боя, которому обучались войска. Содействие вспомогательного вооружения должно было дополнять артиллерийскую подготовку.

Пулеметы должны быть прочно спаяны с штурмующей пехотой при их совместном действии по овладению опорными пунктами, в особенности при повторных атаках, при обеспечении флангов и приведении к молчанию неприятельских пулеметов.

Основным оружием обороны служат ружья-пулеметы, а пулеметы получают наиболее действительное применение за первой линией. В первой линии их следует иметь ограниченное число, с задачей вести огонь до последней крайности. Эти пулеметы неизбежно обрекались на оставление. Умелое, скрытое их расположение — залог успеха их работы.

Как оружие, применяющееся, главным образом, в бою за пространство между окопами обеих сторон, пулеметы облегчают ведение упорной обороны и могут быть также применяемы для борьбы с воздушными силами противника.

Полки, расположенные рядом, распределяют баталионы в зависимости от цели, на занимающие позиции с приданным им оружием вспомогательного назначения и артиллерийскими наблюдателями, на дежурные баталионы с приданными пулеметами, усиленные охраняющими частями, имеющие важную задачу отбросить занявшего передовую линию противника, и баталионы резерва.

Особой заботы требует активная оборона. Войска, занимающие окопы, должны обязательно выждать, даже с риском быть окруженными противником. „Удержание линии зависит в таком случае от успеха контр-удара обороняющегося. Пока противник подходит, каждый стрелок и оружие должны выжидать на своем месте".

Контр-удары должны производиться незамедлительно, по появлении в окопах наступающего, не ожидая особого приказа, и не только на своем участке, но и на смежных со своим.

Дальнейшее развитие боевых действий позволило выпустить через год II-ую часть наставления. В учении о бое гранатометы и минометы обозначены, как неотъемлемое вспомогательное оружие пехоты.

Тяжелые минометы, первоначально предназначавшиеся для крепостной войны, получили применение и в позиционной войне, несмотря на их несовершенство, пока заводы не выработали три типа минометов — легкий (7,6 см.), средний (17 см.) и тяжелый (24 см.), выпуская их в большом количестве. Вопрос их подчиненности не был сразу выяснен. Были колебания, подчинить ли их саперам, которыми они обслуживались и которые прилаживали их на позиции, или артиллерии, которой они подчинялись оперативно, в отношении ведения огня на близких дистанциях, или, наконец, пехоте, с которой они дрались и защищали одно и тоже пространство.

Первоначально, каждой дивизии придали по одной минометной роте, в которой были все три рода минометов, с подчинением саперному командованию. Впоследствии эти роты имели 4 тяжелых и 8 среднего типа миномета. Но это разрешение вопроса оказалось неудовлетворительным. Позже, на позиции, каждый баталион имел 4-х легких минометов, (с минами 4, 5 кгр. действующими на дистанцию от 300—1200 м.), обслуживаемых пехотой, которые предназначались для отражения атак, действуя по окопам противника и его пулеметам. Указания по об'единению баталионных минометов в полку, однообразное их обучение и применение привело к созданию полковых минометных рот (1 сентября 1918 г.), которые состояли из 6 запряженных легких минометов и 3 незапряженных средних (резервных). С применением лафета с прицельным приспособлением, расширилось применение их против пулеметов и танков. Австро-венгерская армия имела горные минометные роты и небольшую часть минометных баталионов. „Основательная подготовка пехоты в при-

менении ружья-пулемета и ручной гранаты, способствовали ей в выполнении поставленных задач. Лишь при совместном применении огневого оружия и ручной гранаты выльются полностью качества того или другого". Первоначально следует стремиться приостановить противника ружейным огнем и применять гранату, лишь когда противник подойдет на дистанцию ее действия, или когда он, находясь за укрытием, будет вне досягаемости пули.

Новостью явилось требование обучения всех стрелков и офицеров ударным действиям. Для выполнения отдельных заданий разрешалось создание отдельных ударных частей из наиболее подходящих людей, периодически выбираемых из части. Новшеством были указания по борьбе с танками и бронемашинами и с низко-летающими самолетами (416—421). Всякий пулемет, который не участвует в земном бою должен быть применен в борьбе с самолетами противника (123).

Общие указания по ведению позиционного боя были крайне полезны.

Пулеметы оказались весьма ценными в боях за местность между позициями обеих сторон, в особенности при расположении их в гнездах от одного до трех, коим указанное в первой части наставления условие упорной обороны (ст. 226) должно было теперь регулироваться отдачей соответствующего приказа, как первейшее требование активной обороны.

Бои 1917 года на Западе.

Поучения Нивеля для дивизионных войсковых соединений были впервые применены в крупном масштабе в боях на Пасху 1917 г.

Нивелевская тактика дала обороняющемуся возможность пригодить к молчанию выезжающие без достаточного прикрытия батареи противника и отбрасывать контр-ударами зарвавшиеся отдельные колонны противника, действующие без достаточной взаимной связи с соседом. Способ действий представлял большие выгоды для действий пулеметов по густым цепям. Атака основывалась главным образом на элементе неожиданности, а на таковую, при действиях крупными соединениями, трудно рассчитывать. В расчете на это, нами и были приняты меры к тому, чтобы ослабить элемент неожиданности. Передовые окопы занимались слабо, местами, где они не давали выгод обороны, даже совсем не занимались. Преждевременное очищение окопов было нежелательно, оно давало возможность французским разведчикам беспрепятственно занимать их, подготавливая этим атакующему выгодное исходное положение для дальнейшего наступления. Группировка французской артиллерии слишком определенно указывала на выбор намеченного ей для удара участка.

Если прорыв удавался, противника надлежало встретить со всех сторон огнем пулеметов, скрытых в гнездах, и остановить. Этим самым достигалось ослабление наступательного импульса, оно-же являлось предварительным условием, необходимым для завершения

активной обороны с применением всех технических средств и контр-удара из глубины, подоспевшими резервами.

Таким способом достигалась упругость в обороне, сводившаяся к ускользанию масс от ураганного огня, по возможности укрывая их в убежищах, расположенных в передней крутости или за ней, но не далее проволочных заграждений, а затем к контр-удару резервами.

Контр-удары, предпринимаемые даже небольшими частями, имели большой успех. В них видели не только средство отражения атаки противника, но и средство к уничтожению живой силы противника, что требовало ввода больших сил в бой. Ввиду того, что на содействие артиллерии не всегда приходилось рассчитывать, а противоштурмовые батареи могли обслуживать лишь определенные участки прорываемого фронта, пехоте стали придавать артиллерию в запряжке.

Для достижения единства действий в контр-наступлении предназначались преимущественно специально избранные для этой цели части. Это применение резервов приводило к слабому занятию окопов, расположенных на обратном склоне. При невозможности быстрого использования времени для контр-атаки, обороняющемуся приходилось вести таковую весьма продуманно; особые затруднения испытывались в деле сбережения от потерь в сосредоточиваемых для противодействия в резервах. Во всех боях сказывалась чувствительность стыков между частями двух соседних дивизий, равно как и занятие убежищ (лисьи норы) большим числом людей. Это давало выгоды в том отношении, что люди находились в руках своих начальников, но зато угрожало быть засыпанными и попасть беззащитными в руки противника.

При обороне оказалось нецелесообразным сокращать фронт широко расположенных дивизий вводом новых; более выгодным признали придать стоящим на позиции дивизиям IV-е полки, остаток-же использовать для ударных целей. Также нецелесообразно оказалось давать дивизиям слишком узкие участки, ввиду невозможности найти место для всей артиллерии или необходимости размещать ее слишком кучно, что приводило к излишним потерям. Дивизия, имеющая за собой другую для активных действий (контр-удара), может занимать фронт в 5 клм. Вообще же, не было желательным на такое количество войск давать участок протяжением свыше 3 клм.

Успех, достигнутый французами в боях на Пасху 1917 г. в западной Шампани, не удовлетворял их, вследствие чего ими был смещен ген. Нивель и назначен ген. Петен. В последующих боях этого года, французы ограничились боями местного значения, преследовавших цель некоторого расширения по фронту и в глубину для улучшения своего тактического положения.

В большинстве случаев дело шло о захвате одной линии окопов, вводом больших, расчлененных в глубину сил, после соответствующей артиллерийской подготовки и при содействии танков (дивизия на фронте 1200 мет.). Продвижение далее указанных для атаки целей, не должно было иметь места без ведома армейского командования. Для атаки обычно намечался участок позиции, разделенный от про-

тивника расстоянием от 200 до 500 метров. Движение вперед при большем удалении, под защитой ураганного огня, было затруднено, так как перерыв в огне требовал смены атакующих частей. Этим путем осуществили атаки под Верденом и у Лафо, где кроме сильной артиллерийской перестрелки, применяли и действие газов.

Английская армия ввела новые данные в способы ведения атаки. Она атаковала высоту 60 у Витшета 7/VI 1917 г. после того, как ею было произведено 19 взрывов мин большой разрушительной силы (работы велись 2 года), нанеся значительный урон обороняющемуся.

На этом успехе однако они ограничились; сам по себе он имел лишь то значение, что лишил нас нашего наблюдательного пункта на высоте 60 и выпрямил позиции англичан на участке Мессин-Витшет.

Атака англичан у Камбре 20/II—1917 г., предпринятая против пассивного участка, велась другим способом. Здесь все было построено на неожиданности, которая гарантировалась тем, что искусственные заграждения не были разрушены до самой атаки.

Заграждения должны были быть снесены не длительной артиллерийской подготовкой, а действием танков, вслед за которыми, в расстоянии 300 м. от них, следовала пехота. Заявлениям перебежчиков о предстоящей атаке англичан не верили. Атака была ведена на фронте 10 км. 3-мя дивизиями, при 2-х резервных. 4 кавалерийских дивизии должны были прорваться в образовавшийся промежуток. Целью наступления ставилось овладение Камбре.

Каждой дивизии придали танковый батальон в 3 роты по 4 взвода, каждый из 4 танков. Атака начиналась движением 6 танков, имевших задачу уничтожить проволочные заграждения, вслед за ними шли 2 линии по 12—18 танков, на расстоянии 20—25 метров друг от друга со скоростью движения в 3—2 км. в час. Артиллерийский огонь сопровождал, как обычно, продвижение пехоты. Благодаря неожиданности и непривычности к этому способу ведения боя, противнику удалось прорвать фронт и овладеть пространством глубиною в 3—5 км; можно считать, что при наличии большего количества артиллерии на нашей стороне, прорыв-бы не удался. Танк заменивший артиллерию, следующую за пехотой, сильно действует на психику обороняющегося, но не может служить средством, облегчающим подачу огнеприпасов и резервов. Ввиду того, что прислуга танка оглушена шумом движения, а узкие щели танка дают ограниченное поле зрения, является необходимым придать людей, которые указывали-бы танку, где искать противника и где он еще не сдал в упорстве обороны. Постепенно приучили войска к появлению танков и выработали способы борьбы. Более слабой конструкции танки можно прострелить бронебойными пулями с стальными головками; с более крепкой броней путем применения снарядов с ударным действием или прицельным огнем легких минометов и, под конец, применением особо приспособленного для этой цели оружия, с особым патроном.

Следует признать, что наиболее крупные танки оказались весьма действительным средством. Танки могут овладеть местностью, а удержание ее является делом пехоты. Чем сильнее сосредоточиваемый на

танках огонь, тем большие потери несет следующая за ними пехота и тем скорее пройдет у нее охота итти за танками.

30-II 17 г. утраченная позиция была взята нами обратно. Контр-наступление было построено на элементе неожиданности. Удалось в полной мере сохранить тайну предпринимавшегося наступления, вследствие чего от противника осталась скрытой установка артиллерии и минометов. Впервые пехоте были приданы сопровождающие батареи, при каждой батарее по взводу сапер и ружья-пулеметы. Наличие всех принятых предосторожностей сулило успех. Пехота успешно прорвалась, понеся небольшие потери, вторая волна с приданными орудиями, привела к молчанию английские пулеметы. При продвижении пехоты сказалось значение световых сигналов разных цветов, благодаря которым пехота получала своевременную поддержку своей артиллерии. Все утверждают, что быстрота имеет большее значение, чем формы построения, которые, в общей суматохе окопного боя, скоро теряются.

Здесь, как и раньше, подтвердилась выгода наступления несколькими волнами, причем первой, наиболее сильной, давалась самая удаленная цель достижения. У англичан, наоборот, волна перегоняет волну, вследствие чего тратится больше времени.

Стрелковые цепи часто брали верх не своей ударностью, а умением разбираться в системе окопов и своей подготовленностью к окопному бою. Бои в пространстве между обоими позициями противников были особенно кровопролитны. борьба с пулеметными гнездами была особенна тяжела и отнимала много времени, так как требовала об'единенных действий вспомогательного оружия.

Это требовало времени и лишало пехоту содействия своего артиллерийского огня, который переносился дальше, на следующие линии. Родилась мысль создавать для этой цели специальные штурмовые соединения из пехоты, легких минометов, пулеметов и артиллерии, которые и применять, как хорошо сработавшиеся, для овладения отдельными опорными пунктами и пулеметными гнездами. Это предложение однако не встретило сочувствия. Легкие минометы были тяжелы и потому не могли сопровождать атакующих при их продвижении.

Здесь требовалось что-то иное. Недостаточной оказывалась и глубина прорыва. Большинство дивизий не проникало в расположение англичан глубже 1 кил., что об'яснялась дальностью расположения резервов.

Более глубокие прорывы были результатом успешной поддержки артиллерии. К сожалению, большие потери в корпусе офицеров дивизий первой линии, влияли на их боеспособность. По этой системе после долгого времени удался, предпринятый немцами прорыв, что послужило хорошим предзнаменованием для будущего и доказательством правильности принятой системы.

В 1917 году, на Западе установился вполне определенный взгляд на оборонительный бой.

Еще раз подчеркивается, что в начале позиционной войны, первоначально позиции создавались на той местности, где приостанавливалось наше продвижение, бой велся одной линией, сила сопротивляемости которой была увеличена. С большими потерями дальнейшее продвижение было приостанавливаемо в бою на Сомме, атакующему удалось уничтожить первую линию обороны, вследствие чего намечавшаяся контр-атака, преследовавшая целью восстановление положения, не могла быть осуществлена и пришлось возложить ее на части, расположенные более глубоко.

Разбитые окопы могли быть отданы при условии, если к концу боя мы имели основание рассчитывать вновь стать обладателями утраченной в боях местности. Потребность скрыть все приготовления от воздушной разведки и стремление ввести наблюдателей в заблуждение сказывалась как у нас, так и у противника.

1917 г. показал, что вследствие увеличившейся силы артил. подготовки и ее разрушительности, обычно 1-ая линия окопов попадала в руки противника. Чем больше мы цеплялись за эти позиции, тем чувствительнее становилась для нас не только потеря местности, но главным образом потери в людях, вооружении и огнеприпасах, которые можно было уберечь лишь соответствующим распределением в глубину сил и средств.

Вопрос с пополнениями требовал экономии в людях. Цель оборонительного боя заключалась не в удержании за собой местности, а в том, чтобы с наименьшими потерями нанести противнику наибольший урон. Лучше добровольно уступить разрушенные ураганным огнем окопы, чем нести потери в людях и вооружении. Таким способом развилась теория боя из глубины. Защитник уклонялся от огня противника и отступал под давлением противника, одновременно обволакивая его. Для развития боя в этой плоскости, в промежутках между позициями создавали укрепленные пункты, которые вследствие удачного применения к местности ускользали от взоров противника и вследствие заблаговременной планомерной обороны, как уцелевшие, не могли быть уничтожены атакующим.

Эти пункты занимались пехотой с пулеметами. Задача заключалась в том, чтобы ударом по тылу противника, приостановить дальнейшее его наступление. Лишь с вводом в бой танков представилось возможным при наступлении заставить молчать пулеметные гнезда. Увеличившаяся подвижность и маневренность резервов привела к правильно веденным маневренным действиям во время окопных боев, в которых участвовала приданная пехоте артиллерия.

Это было свойство упругой обороны.

Благодаря близкому расположению окопов обеих сторон, которые зачастую отделялись друг от друга пространством в 100 метр., что до войны считалось невозможным, передняя линия не могла подвергаться действию огня минометов и минной войне; атакующий зачастую оказывался в первой линии окопов противника раньше, чем подоспевали резервы, оттянутые для их сбережения в более глубокие окопы.

Почти всегда противник, пользуясь превосходством, бил частично выступающие слабые группы защитников, постепенно выходившие из своих убежищ. Этим обстоятельством об'ясняются большие потери пленными. Обороняющемуся можно было достигнуть более выгодных условий, сокращением целей противнику в 1-й линии и увеличением расстояния, которое должен пройти атакующий для достижения своей цели. Это привело к устройству „зоны безопасности", с передовой линией перед основной линией обороны, которая имела ту-же задачу как в маневренной войне сторожевое охранение. Передовая линия должна была служить заграждением, препятствующим противнику оказаться непосредственно перед основной линией обороны, в то же время это увеличивает силу сопротивляемости. Она же должна была ввести в заблуждение о настоящей линии сопротивления и дать возможность заблаговременно изготовиться к бою, стоящим глубже, резервам. Где разыграть бой, в передовых ли окопах, или окопах основной обороны—дело командования, а не войск. Последние должны оказывать упорное сопротивление, пока не последует отмена этого приказа. Передовая линия обороны создается по приказу командования в случаях, если имеется определенное указание на предполагаемую сильную атаку со стороны противника.

В спокойной обстановке ее не существует, а существует первая линия обороны, которая и является линией упорного сопротивления, из которой должны выбрасываться всякие части противника, в случае их появления.

Необходимость оборудования 2-й позиции ее поддержание и снабжение всеми средствами связи, является большим требованием к работоспособности войск. Упрек, что не всегда достижим обман противника, беспочвен, т. к. малейшее изменение в начертании, всякая неисправность в их сохранений, попадает на фотоснимки летчиков. Слухи о намеченном способе действии становятся известными войскам и могут стать достоянием противника благодаря перебежчикам.

Передовая линия должна, во всяком случае, быть постоянно прочно занятой, чтобы она вынудила атакующего напречь все свои силы и чтобы гарнизон первой линии мог бы своими силами ликвидировать попытки разведывательных частей противника; с этой линии войска отходят лишь по приказу, когда выяснится, что противник предпринимает атаку крупными силами. Если защитник не желает отказаться от помощи частей, расположенных далеко за артиллерией, ему не остается ничего другого, как считаться с потерей части своих орудий; удастся ли их вернуть обратно при контр-атаке, вопрос.

Бой в передовой линии ведется ограниченным числом людей и большим числом пулеметов, которые, развивая огонь во все стороны, должны всемерно задерживать противника в его наступлении. Пехота в передовой линии должна играть роль исключительно сторожевого охранения. Сила войск исчисляется, примерно, в одно-два отделения с отделением ружей-пулеметов на каждый ротный участок; эти группировки выгоднее, чем расположение роты на широком фронте.

Ограниченное количество пехоты на определенном участке, в особенности если раньше число защитников было больше, не дает никаких сомнений о намерении обороняющегося и не служит средством к увеличению и поднятию боеспособности. Чем дольше мы оставляем противника после его атаки в первой линии наших окопов, тем лучше; однако это не должно повести к тому, чтобы оставшиеся в нашей передовой линии войска были окончательно отрезаны до подхода резервов.

Глубина передовой линии, т. е. удаление ее не должно превышать 1000 метров, а нормально 500; при большем удалении теряется уверенность в прочности связи, равно, как в сохранении и поддержки артиллерийским огнем отсечных позиций, которые служат обеспечением еще не сданных участков позиции, и в зрительной связи, которую желательно сохранить. Если расстояние меньше 100 метров возможность заставить атакующего пройти большое пространство под своим же огнем утрачивается.

Там, где противник этого не учитывал, он попадался.

Необходимо требовать, чтобы войска, после отраженного удара, обязательно вновь овладели передовой линией. Если этого не будет и обороняющийся будет стремиться к созданию новых передовых линий, это приведет его к потере своих позиций, так как с каждым отходом он будет создавать новую передовую линию, чего быть не должно.

В боях 1917 г. окончательно определилось значение активно веденной обороны, которая вселила в противника такую робость, что даже небольшие части имели успех. Иметь дежурную часть наготове для контр-удара оказывалось выгоднее и стоило меньших потерь, чем ввод свежих сил непосредствено перед ожидаемым боем. Командование не должно обращать внимания на жалобы войск, поставленных на позиции, учитывая, что они все равно будут выведены из строя.

Если часть заставила противника ввести все свои силы в бой, приостановила его дальнейшее продвижение и привела его части в беспорядок, надо считать, что задача ее выполнена. Решение боя дадут расположенные за позицией резервы, которые при проведении противником прорыва, по плану Нивеля, начнут действие, когда противник, достигнув окопов обороняющегося, будет действовать в беспорядке, без плана и поддержки артиллерии.

Глубокий прорыв противника являлся причиной слабой устойчивости передовых частей, плохой артиллерийской поддержки, что обнажало фланги соседних частей.

Дабы проводить в жизнь идею контр-удара из глубины, за линией обороны ставились специальные части. Их ввод оказывался возможным, пока противник еще стремился к достижению целей, расположенных глубоко в тылу линии обороны. Когда же ген. Петену стал понятен способ действий немцев, он проводил в жизнь постепенное закрепление занятого пространства, занятием отсеков и применением газовых и бризантных снарядов. Пришлось в таком случае

в связи с переменой тактики противника вводить части, намеченные для удара, в линию обороны. Если этого не делать, войска эти останутся неиспользованными. Задача этих активных частей не из легких: они должны во время поспеть, а с другой стороны уберечь себя от артиллерийского огня. Рассыпливание их и применение по частям недопустимо.

Контр-удар и контр-наступление различаются лишь по времени действия. Контр-удар — действие, предпринимаемое автоматически с появлением противника в окопах обороняющихся; контр-наступление — планомерная атака, в большинстве случаев, после хорошей артиллерийской подготовки. При контр-ударе все приготовления должны быть сделаны до фактического принятия решения. Если противнику будет дано время устроиться, контр-удар не удастся и будет считаться запоздавшим. Уместно напомнить, что „каждый контр-удар, о выполнении которого будет запрашиваться старший начальник, будет запрещен". Это совершенно правильное требование, так как подобный запрос свидетельствует о непонимании начальником обстановки и основ контр-удара, а также о недостатке наступательного импульса. Быстрота все. Руководитель должен, не задумываясь над вопросом невыясненности обстановки, незамедлительно, ради достижения успеха контр-атаки, провести ее. При контр-наступлении, элемент времени играет меньшую роль, а подготовке отводится большее значение, принимая во внимание, что от внимательного противника вряд ли это ускользнет и внезапности не будет. Что она все же возможна, свидетельствует наше сильное контр-наступление у Камбре 30-го ноября 1917 года, выполненное нами десять дней спустя после английского прорыва.

Значение техники для пехоты.

Современная война требует использования всех технических средств. Лишь с началом позиционной войны оказалось возможным определить основные положения, которые нельзя было уточнить во время маневренной войны. Разбор методов применения всех технических средств не входит в нашу задачу, так как здесь будут рассматриваться лишь технические средства, которые влияют, в той или иной мере, на тактическое применение пехоты. Автомобили приобретают, в особенности, всестороннее применение для доставки войск (переброски подкреплений армии Галлиени в бою на Марне, в прорыве на Изонцо итальянского фронта и в весенних боях 1918 года при прорыве французского фронта). Необходимость обеспечить штабы возможностью спокойно работать, заставила оттянуть их в глубину (штабы дивизий располагались не ближе 10-ти клм.), с тем, чтобы в случае необходимости от штабов, во время боя, высылались-бы вперед офицеры. Так как начальник не имел возможности лично видеть все поле сражения, карты большого масштаба стали необходимостью (1: 80.000; 1: 25.000; 1: 10.000 и 1: 5.000). Эти карты дополнялись данными, добываемыми авиацией (фотограмметрия) и издавались в трех

цветах с обозначением различных пунктов. При наличии сетки можно было вполне точно давать целеуказания и определять положение того или иного пункта.

Для связи с начальником артиллерии, авиации, пехоты служила телеграфная сеть. Телефон дает выгоды личного обмена мнений, благодаря чему стал взаимным вспомогательным средством при вождении войск, вне зависимости от возможности командирования в низшие штабы адъютантов и офицеров Генерального штаба для проверки работы этих штабов и внесения корректив. Многих недостатков не удалось устранить. От переговоров не оставалось письменных следов, как на телеграфе; существовала зависимость от погоды и огня. Все же оказалось возможным, путем создания нескольких линий и прокладки кабеля в особых рвах глубиною 0,5 до 0,8 м., при наличии особой охраны, обеспечить большую исправность в работе, меньшее количество повреждений и возможность, при бездействии одной линии, пользоваться другой.

Пришлось также считаться с подслушиванием, оказавшимся вполне возможным на расстоянии до 3-х километров, которое можно было избежать двойной проводкой и устройством станций подслушивания; последнее было также средством проверки соблюдения тайны при разговорах (применение условных обозначений, ограничение переговоров в ближайшей к линии огня зоне, применение непонятного противнику диалекта) и строгого наказания при обнаруженной невоздержанности.

Вспомогательным средством, даже при сильном обстреле, служили цепь пеших ординарцев и конные вестовые. От переговоров условными знаками, применявшимися в мирное время, отказались. Зато голубиная почта получила широкое применение (на каждый дивизионный участок 1 голубятня, за фронтом, по 80—120 голубей, которые выпускались парами или по несколько сразу).

Больших перемещений голубей желательно избегать, так как на обучение их на новом месте потребуется не меньше двух недель. На голубя артиллерийский огонь и газы мало влияют, равно как и авиация, но зато имеет значение прозрачность воздуха. Расстояние в один километр покрывается им в одну минуту; неудобство в том, что применять их можно лишь в сторону тыла. Голуби служили весьма надежным средством связи первой линии с тылом. Хорошо пригодились собаки (до двенадцати собак на полк), удачно работавшие после предварительной выучки, на расстоянии 2—3-х километров между двумя пунктами, при условии хорошего знакомства с проводниками.

Мы отказались от применения сторожевых собак; степень успешности применения собак при атаке, применявшееся во французской армии, нам неизвестна. Собака сама найдет необходимый путь, не следует только ставить ей слишком трудных, непосильных задач. Лишь часть собак из числа обученных оказалась непригодной. Отдельные собаки доставляли до тридцати донесений в день. Местами боязнь огня уменьшала их работоспособность. Собаки, зачастую, при сильном обстреле укрывались в убежищах, а когда огонь стихал,

беззаботно продолжали свой путь дальше. Основное условие их применения—хорошее обращение с собакой обоих вожаков, и чтобы о ней никто больше не заботился. С выходом из строя вожака надо выписывать в расход и собаку.

Техника заменила телефон особо приспособленными для донесений снарядами, которые выбрасывались из гранатомета, стрелявшего на 1300 метров легкой миной имея силу полета до 1000 метров. За время войны увеличилось значение и применение световых сигналов с гелиографами и пр. Устройство и организация этой связи не требовали много времени, но зависели от местности между окопами. Скрыть ее в складках местности и от фотографирования с воздуха было невозможно; существовала большая зависимость от атмосферных влияний (дождь, туман, снег). Кроме того она требовала много времени на передачу, так как донесения должны были передаваться в зашифрованном виде, чтобы противник не мог их понять.

Большим успехом была придача искровых станций дивизиям [illegible] взвода. Они располагали искровой станцией на колесах, с действием на 100 километров и двумя переносными станциями, с действием от 1/2 до 1 километра. Для их применения в позиционной войне требуются хорошо построенные укрытия, что дает возможность вести работу непрерывно с летчиками и разобщенными между собой войсками, между которыми даже может быть противник. (Радиосвязь между разобщенными войсками впервые была применена в Мазурской битве). При этом надо считаться с возможностью подслушивания противником, что дает ему возможность узнать о наших намерениях. Выгоды искрового телеграфа сказываются в их независимости от местности и артиллерийского огня. Краткие донесения могут быть быстро передаваемы. Мешать работе могут свои станции и станции противника, что лишает возможности держать их близко друг от друга. Электрические разряды в воздухе могут совершенно прекратить радиосвязь. Особое значение имела беспроволочная передача по Морзе, при выгодных условиях и соответствующих токах, допускавшая работать на два километра, когда исключалась возможность пользоваться телефоном. Во избежание подслушивания, передаваемое необходимо шифровать. Телефон и беспроволочный телеграф Морзе могут применяться одновременно рядом. Мешают работе—шум по [illegible], гроза и ливни.

При наступлении и атаке это средство связи оказалось весьма ценным и, работая в удалении от телефонов, служило, пожалуй, единственным средством связи для фланговых частей дивизий.

Наконец средством связи служили специальные взводы, выделяемые из состава части при полках и батальонах, руководимые офицером связи части, который давал советы подчиненным ему офицерам, унтер-офицерам и солдатам и разрабатывал задания, полученные от начальника.

Пятое средство связи—авиация обязана своему развитию Европейской войне, которая выдвинула на первый план работу легких самолетов, отстранив воздушные корабли на задний план. Начатое

во Франции вооружение самолетов пулеметами нашло подражание в остальных странах. С ростом работоспособности авиации увеличилось и число выпадающих на нее задач, которое привело к специализации по роду выполняемых самолетами задач, а именно: на истребителей на разведывательные, для корректирования стрельбы, для бомбометания по земным целям, для связи с дерущейся пехотой. При задании на разведку, особое значение приобрело параллельное фотографирование, а также бомбометание. Большую поддержку летчики получали в своей работе от противосамолетных батарей, которые заставляли летчиков противника быть осторожнее и забирать высоту, так как немецкие самолеты благодаря этому становились самостоятельными. К концу войны число расстрелянных летчиками самолетов противника возросло. Зарвавшиеся далеко в глубь самолеты снимались пулеметами со светящимися пулями.

Значение групповых полетов (6 самолетов) зиждется на моральном впечатлении, которое имеет одновременный плавный полет нескольких машин, которые бомбят, сбрасывают ручные гранаты и стреляют из пулеметов с воздуха, в момент атаки по атакующим или по артиллерии, открывшей заградительный огонь. Они же нашли себе применение при обороне и преследовании. Приданные для совместной работы с пехотою самолеты долго охраняют и наблюдают поле боя, производят боевую разведку, содействуют путем сбрасывания, в передаче приказаний, санитарных средств и средств ближнего боя.

Подробности позиции противника фотографируются или зарисовываются на карту. Важно своевременное освещение вопросов подхода резервов противника, где его танки. Но для распознавания этого, летчик должен снизиться на 300 метров. При условии такого снижения летчики могут выполнить свою задачу, если пехота, в зависимости от условий местности, обозначит свое расположение полотнищами того или иного цвета или сигнализацией блестками.

Потребовалось не мало времени, пока пехота перестала бояться поддерживать этим способом свою авиацию. Летчик, работающий на пехоту, зачастую является единственным средством связи между нею и штабом. Сознание, что летчики распознали место своей пехоты, укрепляет моральное сознание последней и дает ей силы к дальнейшему ведению боя, даже при почти полном окружении. Сильный огонь по противнику служит лучшим обеспечением летчику.

Гаагская конференция от 21 июля 1899 года, вопреки мнению англичан и американцев, запретила применение снарядов с удушливыми газами, дабы предотвратить поголовное истребление попавших в волну.

Попытки усилить действие снарядов с удушливыми газами исходили от наших противников.

Распоряжение французского военного министерства от 21 февраля 1915 года содержит в себе указания о применении снарядов с одурманивающим действием. Французы применяли эти газы в боях

с 13 до 17 мая 1915 года у Сюипп и Вердена, а англичане в боях у Ипери.

Мы были вынуждены также прибегнуть к этому средству, причем блестящее развитие химического производства страны дало нам возможность, в деле комбинирования состава газов, превзойти наших противников. Первоначально применялся хлор и газы, которые, не будучи ядовиты сами по себе, раздражали слизистые оболочки впоследствии применялся фосген, пока не был найден особо ядовитый состав (англичане его называли горчичный газ, а французы Ипритом, в виду того, что он применялся в боях под Ипром).

Наиболее действительными являются те газы, которые менее заметны и менее ощутительны по запаху и действие коих сказывается по истечении определенного времени. Действие их применялось в снарядах и путем выпускания из баллонов. Последний способ находился в большой зависимости от местности, ветра и погоды. Редко, когда все эти данные согласуются с намерениями руководителей. Более действительным средством является выпускание газов из баллонов. Менее зависимы от ветра газовые мины и снаряды, которые однако лучше всего применимы против резервов и артиллерии, но не по передовым линиям окопов.

Если обстрел должен преследовать действительный результат, он должен быть неожиданным или быть настолько длительным, чтобы противник не мог больше выдержать пребывания в масках. Большое улучшение в газовое дело внесли изобретенное англичанами и примененные впоследствии и нами „газовыбрасыватели“, нечто вроде мортир, располагаемые по несколько штук в ряд. Действуя при помощи электричества, англичане выпускали залп в 900—1800 мин. Каждая мина содержала в себе 13,5 клгр. фосгена, что давало большую густоту газа. Подготовку к оборудованию можно было обнаружить с самолетов. Выстрела нельзя было скрыть, но массовый огонь влиял настолько неожиданно, что действие газа сказывалось раньше, чем люди успевали одеть маски. В способе применения отсутствовала всякая равномерность. Такая газовая атака велась или самостоятельно, или дополняла артиллерийскую атаку и прорыв.

Особенно важным стал вопрос газовой защиты. Даже собакам и лошадям пришлось прилаживать маски. Быстрое одевание и снимание, издание определенных правил для газовой тревоги, тренировка на длительность пребывания в маске в условиях работы и передвижений при окопных работах и подносе огнеприпасов, явились необходимыми, ради сбережения людей. Наставление предусматривает необходимость умения, находясь в противогазе, отдать приказ, командовать, определять расстояния, метать гранаты, вести стрельбу, телефонные переговоры, вносить поправки в управление, подать первую помощь. Против газовых мин, от которых не предохраняли маски, применялись самоспасители из кислорода. К концу войны применение газа приняло большие размеры, вследствии чего средства к определению газовых атак и сбережению людей от их действия, приобрели такое же значение, как ружье и ручная граната.

Бои 1918 года.

Политическое и военное положение требовали развязки. Германское командование приняло решение искать ее на Западе, прорывом франко-английских позиций. Лишь прорыв, преследующий более глубокие цели, имевший в виду достижение в первый день линии артиллерии противника, можно было считать достигшим результата. Бои на Сомме показали все невыгоды медленного пробуравливания позиций противника, дающего ему возможность принять меры противодействия. Этого нужно было избежать, а потому решено было после первого же прорыва действовать дальше, не давая противнику опомниться. Неприятельские атаки не шли дальше содействия артиллерии и должны были захлебнуться. Более глубокий прорыв мог быть осуществлен лишь быстрым подтягиванием артиллерии, вводом резервов, освобождением ударных войск от забот о своих флангах и применением танков.

В то время, как наставление противника поддерживало идею соответствующего расчленения предназначенных к атаке дивизий и сохранение за ними узкого фронта, видя в этом основу для успеха, мы стремились найти средство, уравнивающее требование ввода новых сил, для нажима с тыла, при сохранении узкого фронта и недопущении перемешивания в управлении, с возможностью выгодного распределения артиллерии, равно как и условия предоставления каждой дивизии одной линии определенных ходов в тыл, для передвижения резервов. Оказалось нецелесообразным увеличивать фронт атакующих дивизий свыше 2 клм., в то время, как при атаке местного характера, можно было даже расширить фронт до 3 клм.

Даже при постепенно сокращающейся силе дивизии в людях фронт в 2 клм. был приемлем и не велик, ввиду увеличения числа оружия, принимавшего участие в бою.

В дальнейшем выяснилось, что при атаке пехоте не следует нести потери в боях за овладение отдельными, сильно укрепленными пунктами, лесных участков и населенных пунктов, которые следовало лишь приковать с тем, чтобы потом взять с фланга или тыла.

Два—три дивизионных участка подчинялись командиру корпуса; во второй и третьей линии шли дивизии, которые должны были сменить впереди идущие, когда они израсходуют свои силы. Подчинение их командованию впереди идущих дивизий считалось нерациональным, так как привело-бы к преждевременному вводу в бой. Они должны были оставаться, в качестве резерва, в руках старшего начальника. Ввод их в боевую линию считался желательным на том участке, где прорыв наиболее удачно протекал и развивался. Смена считалась желательною лишь там, где полки или туго продвигались вперед, или продвижение захлебывалось. Вообще же считалось более выгодным смену производить значительно позже.

По опыту, атака должна была сопровождаться многочасовой артиллерийской подготовкой, с применением бризантных и газовых

снарядов; небольшая подготовка велась лишь при атаках местного значения. Атаки без артиллерийской подготовки велись при исключительно благоприятных условиях.

Одновременное и быстрое продвижение штурмующей пехоты, с целью проскочить полосу заградительного огня возможно быстрее, применение по возможности глубокого расположения лишь по прохождении этой полосы, появление в окопах противника по возможности сразу же с последними выстрелами и движение одним махом до намеченной цели, считалось наиболее выгодным и по опыту удачным способом действий.

Если же пехоте сразу дают глубину, следует первые волны держать особенно сильными, ввиду того, что надо считаться с возможностью оторванности последующих волн заградительным огнем противника, что может потребовать от первых волн самостоятельного достижения успеха боя. Первоначально бой принимал характер планомерных действий, сводившихся к быстрейшему прохождению расстояния до окопов противника, применению наилучшим способом своего оружия и противодействию противнику; однако бой быстро переходил к бою отдельных лиц, коль скоро противник применял непредусмотренный нами прием. Этот переход от нормального вида боя к индивидуальному был особенно труден, и англичане и американцы не всегда умели во время его совершить, а, главное, уступали нашим бойцам. Каждый раз следует проверить, что выгоднее, вести ли бой стрелковыми цепями или волнами. Надо считать, что количество волн должно быть рассчитано, примерно, по числу окопов, кои придется атаковать, но ни в коем случае первая волна не должна задерживаться в первой линии, а должна стремиться к достижению намеченной цели. Так как в последних боях противник занимал окопы первой линии сравнительно слабыми силами можно было отказаться от движения густыми цепями.

Во всяком случае нельзя отказаться от стрелковой цепи, как от боевого построения, так как в ней наиболее полно выявляются элементы управления и огня; создание ударных групп является вспомогательным средством.

При достижении свободного пространства, по выходе из лабиринта окопов, необходимо переходить в стрелковую цепь. Чем глубже расположена конечная цель, тем меньше следует беспокоиться об оставшихся в тылу, в окопах, гарнизонах противника. Если они есть, ликвидация их, дело идущих сзади частей. Отставшие соседние части не должны искать оправдания в своем оставании, в стремлении движением в стороны помочь соседу или движением уступом служить связующим звеном. Это дело идущих сзади. Успех достигается одним ударом и движением вперед. Чем дальше передвинулась часть по сравнению с соседом, тем действительнее ее удар и тем меньше вероятия встретить новый фронт. При ограниченных целях, бой вынужденно должен вестись в окопах.

Число вводимых в бой ружей-пулеметов следует согласовать с общим числом ружей; обычно взводу в 40 человек следует придать 2

ружья-пулемета и выделить резерв материальной части. С исходного пункта пулеметы выдвигаются вперед, по возможности, до окончания артиллерийской и минометной подготовки, образуя голову атакующих частей. Их задача в пределах порученного участка, привести к молчанию оставшиеся после огневой подготовки действующие пулеметы, облегчив тем самым продвижение своей пехоты. С окончанием артиллерийской и минометной подготовки начинают действовать ружья-пулеметы, которые не прекращают своей работы, пока первая волна не достигнет окопов противника. Эти пулеметы идут тогда вслед за первой волной. Вообще на пулеметы возлагается задача обеспечения и защиты пехоты своим огнем. Некоторые пулеметные роты до атаки ставятся на запасные позиции, с которых они высматривают и расстреливают цели, тогда как другие идут за своей пехотой, чтобы быстро достигнуть выгодных позиций, которые в позиционной войне были заранее уже определены. Небольшая часть пулеметов служит для борьбы с самолетами противника. Еще раз подчеркивается значение участия авиации и танков, о которой говорилось выше.

По достижении цели, следует сейчас же принять меры к обеспечению себя от контр-атак, подтягиванием артиллерии и минометов, которые придадут пехоте силу сопротивления. Быстрое дальнейшее продвижение, при удачной обстановке, может привести к падению следующей линии.

Эти понятия следует внедрить в войска как соответствующим обучением, так и опытом прежних боев; все это увеличит в частях доверие к выдвигаемым основным положениям.

Но достоинство пехоты 1918 года было совершенно другое, чем той, с которой мы начали войну. Батальоны и роты велись в бой молодыми и, зачастую, даже очень молодыми офицерами, которые имели боевой опыт, но которым недоставало именно того, что составляло силу нашего офицерского корпуса в мирное время, а именно: служебный стаж, постоянная забота о подчиненных и умение выходить из всех положений. Затруднения, встречавшиеся в пополнении, вынуждали быть очень осторожными и привели к созданию резерва. Все же дух войск был хорош, части шли безотговорочно, выполняя распоряжения, веря своим начальникам.

Конечно подготовка была не та: в шесть месяцев нельзя было достичь тех же результатов, что в 2 года, это в особенности сказывалось в умении применять оружие, как огневое средство и для ближнего боя.

Войска по возрасту становились моложе; к недостаткам подготовки прибавилось еще телесное недоразвитие молодого пополнения.

Значительно хуже было то, что эта молодежь выросла вне влияния родных, дравшихся в армии, что она была развращена как высокими заработками, так и плохим питанием и поддавалась влиянию агитации.

21 марта 1918 года, после трехчасовой артиллерийской подготовки, начался прорыв III и V английских армий, который увенчался полным успехом и втянул в бой большое количество резервов.

Считая, что удар на Фландрском фронте пришелся бы по слабым частям противника, только что прибывшим туда с других участков, где они выдержали бой, и желая провести атаку до подхода резервов противника, высшее командование отдало распоряжение приступить к операции 9 апреля 1918 года, которое по занятии Кеммель было прекращено, ввиду заметного усиления противника.

Эти бои внесли новые данные в тактику пехоты.

Неожиданный успех этих боев основывался не на численном превосходстве пехоты, а на способе артиллерийской подготовки, в использовании моральных свойств своего огня и в значении применения вспомогательного оружия, сопровождающих орудий и танков.

Командование решило применить все способы, чтобы сохранить элемент неожиданности, для этого пришлось даже отказаться от длительной артиллерийской подготовки. Посредством сильного огня газовыми снарядами, неприятельская артиллерия приводилась к молчанию, вследствие чего, наступавшая густыми колоннами, пехота не несла потерь от заградительного огня и принимала глубокие строи после прорыва.

Минометы разрушали препятствия и уничтожали упорство бойцов первой линии. Пехота атаковала под прикрытием заградительного огня, продвигаемого скачками, вперед по 200 метров, с расчетом пройти 1 клм. в 40—50 минут. 21 марта 1918 года войска проскочили, отделявшее их от окопов противника, расстояние в 1300 м. в 35 минут. Дальнейшее продвижение стало медленнее и должно было исходить из расчета 5—6 минут на каждое следующее стометровое продвижение заградительного огня.

Не взирая на такое медленное движение, зачастую заградительный огонь опережал свою пехоту и было крайне трудно более точно урегулировать движение пехоты и перенос огня. Большим недостатком было то, что, чем дальше продвигалась пехота, тем слабее становился заградительный огонь, тогда как именно здесь то и нуждались в нем больше всего.

Попытки приостановить огонь по приказу оказались невыполнимыми.

Не исключалась возможность, что часть батарей, потеряв связь с пехотой, начнет стрелять по своим. Ввиду того, что артиллерия было трудно узнать фронт своей пехоты, было принято решение вести ее огонь от одной линии окопов к другой, а борьбу с пулеметными гнездами возложить на пехоту. Пехоте не следует внедрять понятие, что успех боя покоится на ураганном огне артиллерии. Если пехота могла идти непосредственно за заградительным огнем, она проскакивала пулеметные гнезда противника и опорные пункты раньше, чем они могли остановить ее движение. Если же пехота от артиллерийского огня отставала, ей приходилось своими средствами (сопровождающими орудиями и минометами), сломить упорное сопротивление

противника. Ввиду шахматного расположения пулеметных гнезд не было возможности атаковать их с фланга или тыла; решающим в этом деле была помощь вспомогательных средств, в особенности целесообразной была легкая газовая работа.

Большую пользу оказали ружья для гранат, которые были оценены войсками. Эти бои показали, что пулемет стал основным оружием пехоты и служил основой каждого боевого эпизода. Стрелковая цепь отходит на задний план; в корне отпадает понятие боеспособной стрелковой цепи, которое было у нас принято в начале войны. Но в жизни это не сразу привилось и еще долго применялись густые стрелковые цепи.

В бою войска расходятся в ширь и глубину, действуя преимущественно отделениями, теряются в складках местности; в эти моменты все должно работать, преследуя определенную цель. И вспомогательное вооружение требует глубины: если оно сразу израсходовано пехота не будет в состоянии продвигаться.

Младшему командному составу предъявляются особенно большие требования. Если он не на высоте, дальнейшее продвижение сомнительно, и успех может оказаться на весу; раньше его можно было восстановить вводом сильных и однородно руководимых стрелковых цепей. Теперь такая возможность отсутствует, и в этом лежит опасность принятого боевого порядка, которая выражается в медленном продвижении и медленном уничтожении неприятельских узлов сопротивления.

Основная задача боевой подготовки будет заключаться в приучении войск переходить от разрозненных действий группами к действию целой частью и наоборот, в зависимости от обстановки.

Движение пехоты не носит характера равнения, она идет группами, рядами, как ударная часть, или цепью; сила ее огня в пулеметах, защиту которых она берет на себя. Пехота должна привыкнуть к тому, что пулеметы будут стрелять через головы стрелков или между отделениями. Благодаря такому способу продвижения решился вопрос, должна ли пехота идти большими скачками или нет.

Следует идти как можно дольше шагом, переходя к скачкам группами или одиночными стрелками, если огонь противника станет сильным и действительным. Первой линии удавалось сравнительно легко достигнуть окопов противника; упорное сопротивление, оказываемое противником, обыкновенно преломляло силу единства действий и дробило бой на отдельные эпизоды, в которых все же еще осуществимо было единое руководство. Начальник дивизии давал общие указания; он мог влиять на успех боя резервами и действием артиллерии.

Начальник должен был остерегаться вводить свой резерв там, где продвижение успеха не имело; наоборот, было весьма существенно давить там, где мы преуспевали. Давлением на фланги мы уничтожали сопротивление противника на соседних участках. Это расчленение боя на части было большим злом: вводить его в правило ни в коем случае не следовало и задачей командования было до-

стигнуть того, чтобы бой снова достиг своего единства, дабы не выпустить управления из рук.

Первым шагом к этому было отобрать от полков приданную им артиллерию. При завязке боя, в войсках необходимо было сохранить стремление одним махом дойти до намеченной цели, после чего приступить к приспособлению занятого пространства к обороне, путем организации земной и воздушной защиты, обеспечения тыла устройством связи, подвозом огнеприпасов и подачей первой помощи. Войска, следовавшие за первой линией, принимали на себя заботу о парировании контр-ударов, обеспечивании флангов и содействии соседу. Мы также убедились в том, что граница нашего первоначального продвижения должна совпасть с предельной дальностью артиллерии. Если это достигнуто, то можно было считать, что использовано все наличное огнестрельное оружие, и потери будут минимальны.

Опыт боев был блестяще применен в атаке VII армии у Шемен-де-Дам.

В первый день боя, 27 мая 1918 года, одна из дивизий могла похвалиться продвижением на 18 клм. Произведенный удар между Мондидье и Нуайоном привел к бою у Маз, в котором французы применили особо глубокую группировку. Не взирая на невыгодные условия боя и превосходство сил противника, нам удалось достигнуть больших успехов. Пехота не могла обеспечить себе полностью поддержку своего огня, пока она была подвержена сильному объединенному действию артиллерии противника. Быстрый перенос артиллерийского огня по новым окопам, вот что являлось первым требованием для достижения успеха. На командование выпала особенно тяжелая задача при наступлении, где противник располагал большей глубиной.

Наступательный импульс германской пехоты дошел до высших своих пределов. Не было возможности быстро пополнить потери в командном составе и в хорошо обученных людях, как это требовалось обстановкой; качество пополнений было уже не то. Большое наступление, предпринятое в Шампани с 16 июля 1918 года, не увенчалось успехом. Французская пехота, в предпринятой ею атаке с участием большого числа танков, показала большую способность к наступлению, чем это думали. В боях, веденных 18 и 19 июля 1918 г., ей не удалось прорвать наш фронт. Наступление англичан, предпринятое 5 августа 1918 года между Анкр и Авр, вынудило нас к отходу, но фактического прорыва не было.

Основной причиной успеха было применение газов, дымовых шашек, танков и сухопутных броненосцев. Сопротивление было оказано у Камбре и Сен-Кантен. Упорная оборона передовой линии замедляла движение противника. Эти бои на передовых линиях дали возможность произвести необходимые перегруппировки и указали нам намеченные противником, главные направления удара.

Нужный отдых не мог быть дан армиям. Роты доходили до 40—50 человек. С 18 сентября 1918 года начались непрерывные атаки

англичан, которые отражались нашими частями с большим упорством; тяжелые бои разыгрались на развалинах Гозанкура и Эпеи.

Не взирая на ввод всех средств, противнику и 21 сентября 1918 года не удалось осуществить глубокого прорыва, но наши потери были значительны. Войска проявили сверх-человеческие усилия. Атаки противника строились главным образом на применении танков, которые сопровождались эшелонированной в глубину пехотой; последняя шла крайне неуверенно. Артиллерийская подготовка велась несколько часов; вслед за ней, под прикрытием заградительного огня, продвигалась пехота противника.

Применение противником большого числа танков вынудило нас к эшелонированию средств их отражения, тем более, что они шли под прикрытием дымовых шашек.

Создалась полоса для боя против танков между основной линией обороны и артиллерийскими позициями. При этом в первую линию этой полосы выдвигались пулеметы и специальные противотанковые ружья, а глубже ставились для борьбы с ними легкие минометы и полевые орудия, могущие дать обстрел во все стороны.

Главная квартира с большой грустью пришла к выводу, что ей не победить противника; оставалось оттянуть время для предотвращения прорыва и связанных с ним излишних потерь. Еще раз было указано назначение передовых линий и создание необходимой глубины, при которой ограничиваются потери, не лишая оборону упругости и духа активности. Войска приучали к понятию, что более существенным является сбережение сил и духа, чем удержание местности; поэтому требовалось, чтобы начальники всех степеней сразу же оценивали положение и действительную необходимость возвратить контрнаступлением утраченное и рассчитывали, оправдает ли это наступление, по своему значению, понесенные потери.

Не везде имелось достаточное количество тыловых позиций.

Войска нуждались в отдыхе, но они должны были драться, передвигаться и окапываться. Поэтому было вполне понятно, что они охотно отказывались от готовых позиций, сразу распознававшихся воздушной разведкой, которая давала после этого знать противнику, где можно снова ожидать боя и сопротивления с нашей стороны. Искусственные препятствия и убежища приобрели большее значение, чем окопы. Выгоды сказывались сразу, если только сопротивление должно было быть оказано временно.

Возродилось прежнее понятие боя между окопами и на линии воронок от снарядов.

Зато значение хорошо оборудованных окопов сразу сказалось при условиях длительной обороны. Командованию постоянно приходилось подчеркивать значение хорошо оборудованных позиций. Бой должен был носить маневренный и решающий характер лишь там, где успех мог считаться обеспеченным. Если противнику удавалось местами глубоко проникнуть и закрепиться на занятом пространстве, более осторожным было отодвинуть весь фронт, чем оставшиеся части подвергать фланговому огню и большим потерям.

Если выяснилось, что противнику удалось подробно изучить все слабые и сильные стороны нашей позиции и что им все подготовлено для атаки, войска оттягивались заблаговременно на новую позицию, дабы уберечь их от потерь. Ввиду принимаемых мер предосторожности, даже и сторожевому охранению противника, редко удавалось заранее выяснить наш отход; части его, неосторожно продвигавшиеся вперед, делались жертвой, удачно подготовленного с нашей стороны, огневого нападения.

Чередование линии окопов, занятых арьергардами, с линиями, на которых предполагалось дать упорный бой, вводило противника в заблуждение; он наскакивал на наши позиции, где мы имели ввиду дать бой, предполагая, что они заняты лишь слабыми арьергардами, и нес большие потери. „Наша задача" говорил генерал Людендорф, когда был отдан приказ об отходе на позицию Зигфрида, „заключается не в выигрыше местности и удержании ее во что бы то ни стало, а в уничтожении живой силы противника". Правда, выигрыш территории есть сам по себе показатель успеха, но у нас он переоценивался. При тактических невыгодах не следует цепляться за местность, но удержание ее с целью выигрыша времени целесообразно, в особенности, если мы понудим противника этим путем повести новое наступление, которое приведет его к движению по невыгодной местности в полосе нашего сильного огня.

Надо иметь ввиду моральное значение, которое достигается продвижением противника. Каждое новое наступление дорого обходится противнику людьми, снаряжением, огнеприпасами, вооружением и временем.

Для германцев решающим было не обладание местностью, а сбережение сил. Положение противника было иным. С каждым шагом вперед он отвоевывал родные места. Упоминания в сводках, тех или иных пунктов служили народу мерилом роста его силы. Способ действий немцев был совершенно особенным и вызывался обстановкой. Наше командование не искало решения, а стремилось последовательным отходом оттянуть время.

Война, в связи с политическими осложнениями, преждевременно кончилась; поэтому проверить на опыте правильность наших действий не было возможным.

Командование верило в правильность этого способа действий хотя оно и не переоценивало значения боеспособности противника, применяемых им новых средств боя и его численного превосходства. Командование верило и в успех своих начинаний, но судьба решила иначе.

За время войны тактика пехоты пережила огромную эволюцию. Техника приобретала все возрастающее значение. Это обстоятельство с еще большей очевидностью выдвинуло значение отдельного бойца. Управление войсками должно быть направлено к тому чтобы эти свойства отдельного бойца, его собственного «я», не были потеряны и затерты значением техники. Искусство младшего командования и заключается в том, чтобы суметь своевременно использовать вспо-

могательное оружие и его баллистические качества, подкрепив все это работой стрелков или ударников. Мы начали войну применением густых цепей, стремясь поразить противника силою огня. Увеличение, как численное, так и силы действия старых и изобретение новых средств боя привели к более тесному действию пехоты и артиллерии и к значительному расчленению пехоты. Даже рота не представляет собой одного целого в бою, а разделяется на ряд частей, которые, действуя в удалении друг от друга, работают в одном и том-же направлении.

В этом и заключается трудность новой тактики пехоты, которая требует наличия хорошо подготовленного командного состава и отличных качеств от одиночного бойца. Рядом с этим стоит требование: сперва применять действие машины, а потом уже с уверенностью пускать в ход ценный человеческий материал.

„Но не машина решает исход боя, а непреклонная воля подготовленного командования и, прежде всего, высокое значение одиночного бойца, который сумеет в полной мере использовать все особенности, предоставленных в его распоряжение, технических средств“.

От переводчика.

В своей статье, Балк весьма подробно освещает вопрос работы пехоты в маневренной и позиционной войне. Вряд-ли в войнах ближайшего будущего придется вновь прибегать к столь сложной системе укреплений. Надо считать, что в условиях будущих войн, как классовых, так и не классовых, скорее будет преобладать элемент маневренности, требующий простора и не связанный сплошными линиями окопов.

В этом отношении даваемые Балком в части, касающейся маневренной войны, нормы могут вполне пригодиться и при обучении Красной Армии. Основными его положениями являются: широкое развитие в войсках наступательного духа, целесообразное и умелое применение огня; наилучшее достижение взаимодействия пехоты и артиллерии; значение правильно поставленной подготовки одиночного бойца; значение личных качеств младшего командного состава, являющегося фактическим руководителем боя; широкое развитие частного почина среди всего состава армии, считая и стрелков; значение пулемета и разведки.

Не останавливаясь на разъяснении этих положений, следует обратить еще внимание на несколько явлений, в которых Красная Армия не раз грешила и благодаря коим проигрывалось не одно сражение: это боязнь за фланги, боязнь пехоты и кавалерии противника и быстрое и неумелое расходование резервов.

При современных условиях борьбы ни одно государство не будет в состоянии поставить под ружье такое число войск, чтобы густо прикрыть всю границу, как это имело место в 1914—1918 г. г. В большинстве мобилизовались возрасты от 20 до 35 лет. Дальнейшая мобилизация такого масштаба может привести к внутренним

отражениям. Непрекращающееся бурление в странах Европы вынуждает держать также войска, как внутри страны для поддержания порядка и правительства, так и для предотвращения возможных покушений соседей, что является второй причиной. Таким образом сплошной стены, как это наблюдалось в 1914—1918 г. г., не будет. Фронт будет заниматься прерывчатой линией, иногда с довольно значительными интервалами.

Этих-то интервалов очень не любила Красная Армия и всегда чувствовалось стремление, как при обороне, так и при наступлении занять, ценою большой растяжки, весь фронт. Между тем, такое явление, совершенно не обеспечивая войска и не гарантируя им флангов, приводило к распылению сил и давало противнику возможность прорвать фронт Красных в любом направлении. Малейший нажим и слабые части не выдерживали и отходили; за одной частью начинала отходить другая и весь фронт приходил в колебание.

Растяжка не давала возможности своевременно поддержать участок. Кроме того, сами резервы, вследствие той же растянутости, оказывались крайне слабыми и распыленными по всему участку. Невыгода такого способа ведения боя очевидна.

Следовательно надо искать выход из этого положения. **При обороне** это можно достигнуть применением группового положения.

Суть его, в общих чертах, заключается в расположении войск не в линию, а группами, примерно по-батальонно, на важнейших направлениях, рубежах основной позиции, и в прикрытии районов, занятых войсками, сильным ближним охранением.

Пространство между полосой районов, занятых нашими войсками и противником, заполняется разведкой.

Соответственно этому, районы расположения войск не могут находиться в непосредственной близости к расположению противника и должны отделяться от него пространством, глубина которого прежде всего зависит от местных условий, но не должна быть менее 8 верст.

В общем, при проведении в жизнь идеи группового расположения, например в дивизии, начальник ее, получив известный участок своего фронта, определяемый разграничительными линиями, после подробного изучения поставленной ему задачи и самого района действия дивизии, должен наметить в зависимости от местности и численного состава бригад, те участки, которые он предполагает дать каждой из них, исходя из того, что ему для создания глубины расположения и наличия резервов следует по возможности иметь на фронте каждой бригады не более 2-х полков, а один в резерве.

Полоса, которая будет поручена бригаде, как указано выше, будет зависеть главным образом от условий местности и численного состава полков; на участке, пассивно прикрываемом естественной преградой, допустимо дать полку больший участок, т. е. каждой батальонной группе большую площадь.

Таким образом полк получает известную полосу местности, ограниченную разграничительными линиями.

Местность в пределах этих разграничительных линий, являясь участком данного полка, вверяется соответствующему начальнику.

Командир полка, в свою очередь, разбивает ее на соответствующие полосы, от 2 до 3-х, в зависимости от величины фронта полка, имеющихся важных направлений и наличных сил.

Командир баталиона, в свою очередь, получив известный район, порученный ему, выбирает в нем наиболее подходящий рубеж для обороны, около которого и группирует свои роты с таким расчетом, чтобы расположить их как можно более сосредоточенно, дабы иметь возможность использовать силу перекрестного огня и маневрированием рот поддерживать одну другою. Это, в свою очередь, требует известной глубины в расположении баталионов, без которой неосуществима сама идея группового расположения. Следовательно, в каждой полосе полка баталионы будут сосредоточены на известной площади (занимать населенные пункты), примерно в 8—10 верст.

Между этими баталионными группами образуется незанятое пространство, которое должно будет освещаться дозорами (патрулями) и разведкой. При большом прорыве и наличии конницы эти промежутки могут быть заняты эскадронами или взводами кавалерии или отдельно выдвигаемыми ротами.

Высылаемые в промежутки, разведка или дозорная служба должны, обязательно, или доходить вплотную к соседней группе или, при большом удалении групп друг от друга, доходить до известного, условленного с соседями пункта, где и встречаться.

Для контролирования дозорных, желательно давать им для передачи донесения и разносную книжку, для росписи принимающего пакет.

Впереди группы располагается сторожевое охранение, в виде отдельных застав и полевых караулов, удаление которых от ядра группы не должно превышать 1½—2 верст, во избежание захвата их противником.

Шаблона, конечно, в расположении допущено быть не может. Сила и характер занятия линии охранения зависит всецело от сил, которыми мы располагаем, т. е. от количества штыков в ротах, а также от местности и характера действий противника.

Помимо этого, каждая рота (группа) должна обеспечить себя мерами ближнего охранения (часовыми, отдельными наблюдательными постами) и иметь дежурную часть.

Таким образом, между сторожевым охранением и противником, руководствуясь вышеизложенным, останется еще незанятого пространства до 5-6 верст.

Эту местность необходимо освещать высылаемой вперед разведкой (баталионной, полковой) и, для более крупных задач, дивизионной.

Задачи, выпадающие на нее, будут: освещение впереди-лежащей местности до соприкосновения с противником и в промежутках между группами; захват контрольных пленных путем снятия постов противника, его дозоров, разведывательных партий; разведка расположения противника и, наконец, особые задачи по проникновению вглубь расположения противника для разведки ближнего тыла и производства

войсками, кроме того, при таком расположении полезно в незанятых войсками пространствах заручиться надежными, преданными армии и власти лицами, которым вменить в обязанность, при появлении противника немедленно извещать об этом ближайшую войсковую часть.

Таково в конечном итоге будет примерное распределение сил при групповом расположении.

Остается разобрать вопрос расположения резервов и артиллерии, связь и управление.

Располагать артиллерию без прикрытия, принимая во внимание наличие на фронте прорывов, опасно.

Это обстоятельство вынуждает поставить ее, с одной стороны, в некотором от фронта удалении, а, с другой, прикрыть ее пехотой.

Сравнительный недостаток в живой силе приведет к необходимость стремиться поставить артиллерию в районе расположения полкового резерва.

Это вполне совпадает и с теми задачами, которые преследуют резерв и артиллерия, т. к. оба будут сгруппированы на наиболее важных направлениях, в особенности при условии ограниченного количества артиллерии на фронте. Если полк занимает пассивный участок, полковой резерв, а, следовательно, и артиллерию выгоднее всего располагать за центром участка.

Из вышеупомянутого можно наметить и примерное удаление района расположения полкового резерва и батареи от фронта охранения, которое не должен превышать 5—6 верст, а от линии обороны 4—4½ версты. С этого расстояния артиллерия может поддержать свою пехоту, которая займет рубеж на этой дистанции после отхода линии охранения. С этого расстояния явится возможность подтянуть своевременно и резервы к месту боя. Впереди, в районе группового расположения, батарея должна иметь свой наблюдательный пункт. Такие-же наблюдательные пункты должны быть и на других групповых участках полка, равно как и намечены запасные позиции.

Пулеметы, ввиду сравнительно ограниченного количества их в полках, не следует распылять по заставам, а держать в ядре роты и батальона, в том пункте, где предполагается дать бой (отпор) противнику. Местами даже выгодно сохранять всю пулеметную команду при одной из групп. Передачу пулеметов в заставы можно допускать в тех случаях, когда местность дает заставе настолько явные выгоды, что наличие сильного огневого средства, каким является пулемет, гарантирует возможность длительного и полезного для обороны боя на линии охранения. При обилии пулеметов в части полезно придавать ружья-пулеметы.

Чрезвычайное значение приобретает служба связи и безотказная ее работа. При этом, помимо связи телефоном, необходимо еще иметь связь конными ординарцами, летучей почтой, а за неимением лошадей подводами. Особой заботой каждого начальника должно быть сохранение непрерывности связи, для чего вести ее надлежит не по фронту, а в глубину.

Вышеизложенное указывает, что групповое расположение частей требует проявления большой инициативы от командиров рот и батальонов, в особенности от последних, так как им в большинстве случаев придется в пределах порученной полосы действовать самостоятельно, в особенности при завязке боя.

Это нисколько не снимает с командиров полков ответственности за боевой участок и обязанности управлять батальонами, которые должны быть все время в руках командиров частей: упускать управление из рук они ни в коем случае не должны.

В силу сказанного план действий на данном участке должен быть внимательно продуман и разработан всеми начальниками, должен отвечать как случаю перехода в короткое наступление, так и случаю активной обороны в центре участка или на его флангах и помощи соседям.

При этом планы действий должны быть проверены на местности соответственным маневрированием, которое при групповом расположении войск является первостепенно важным и на котором должен быть обоснован весь успех обороны.

В заключение остается указать еще на те преимущества, которые дает нам при небольшом численном составе войск данного фронта или их растяжке, групповое расположение.

Оно дает возможность: 1) оказать на линии районов, занятых войсками, упорное сопротивление наступающему неприятелю, используя для этого взаимодействие смежных групп, как огневое, так и, особенно, маневренное подготовленность для боя позиций и сосредоточенность наших сил.

2) Сократить наряд на сторожевую службу, которая в ее полном об'еме непосильна полкам, при занимаемых ими огромных фронтах.

3) Позволяет держать войска более сосредоточенно, как для возможности обучения, так и для противодействия попыткам противника захватить у нас пленных и материальную часть.

4) Предоставить войскам в зимнее время возможность расположения в деревнях без ущерба для их боевой готовности.

С другой стороны, как указано выше, это расположение требует высоко развитой инициативы у командного состава, соответствующей подготовки войск и способности к маневрированию и действиям побатальонно. Лишь такие войска и начальники будут способны правильно понять и провести в жизнь идею группового расположения. Слабые духом, лишенные инициативы, мало устойчивые войска будут бояться прорывов и тяготеть к линейному расположению, не отдавая себе отчета в том, что затыкание на фронте промежутков небольшими силами при нажиме противника их не спасет, а в нужную минуту лишит необходимого числа бойцов для контр-удара маневром.

При наступлении также не следует растягиваться. Переходя в наступление из положения пассивной обороны, командование выберет пункт удара и сосредоточит на нем свои главные силы. Густота войск на фронте может оказаться значительной и дойти до уставной. На таких участках, где мы будем давить и брать силой, наступление не

вызовет особых затруднений и забот в смысле обеспечения флангов и распределения участков. Придется главное внимание уделить огневой подготовке, всестороннему использованию технических средств и наладить взаимодействие частей пехоты и артиллерии; в линии будут все три бригады и, по возможности, все 9 полков. За то совершенно иное положение на участках второстепенных, на которые однако тоже может выпасть задача наступать, а не обозначать шаг на месте.

На таком участке, где войск сравнительно немного, а фронт большой, придется заранее обдумать, где именно удобнее всего наметить пункт удара. Наметивши его, принимается уже и соответствующая группировка. При этом, ради достижения в пункте атаки большой плотности, на остальном фронте придется допустить прорывы, т. е. иметь участки, занятые слабо.

Предположим, что армии в составе 5 дивизий, занимающей фронт в 100 верст, приказано своей активностью отвлечь внимание противника от главного направления удара. Наступать всем фронтом, конечно, нельзя.

Так или иначе следует наметить наиболее выгодные направления или в центре или на флангах, где и придется сосредоточить большее число сил. Примерно, командование назначит для этой цели 3/5 сил (3 дивизии), а 2/5-ми сил займет остальной фронт.

При этом, примерно, 3 дивизии займут участок шириною 12-18 верст (из рассчета 2 версты на бригаду—4-6 верст на дивизию). Остальной участок придется занять 2-мя дивизиями, на каждую из них придется по 40-45 верст. Вытягивать их в нитку нецелесообразно; придется применять систему группового расположения и держать части сосредоточенно, бригадами. Естественно, что такое расположение потребует от командования иметь в каждой группе резервы, и довольно сильные, могущие в случае надобности отразить попытки противника к проникновению в тыл.

Здесь в особенности скажется соответствующая подготовка войск, отсутствие боязни за свои фланги, для которых лучшим обеспечением явится маневренность резервов.

Следует иметь в виду, что, при удаче активной группы, противник будет настолько занят восстановлением или удержанием своего фронта, что мало вероятно ожидать с его стороны решения атаковать нашу завесу. Наконец лучший выход из положения—это дальнейшее нажатие со стороны ударной группы. Скученное расположение даст сразу возможность, при успехе и отходе противника, приступить к нажатию и на этих пассивных участках, что осуществимо лишь при сосредоточенной группировке.

Еще одна выгода: удобство управления и передача приказаний. Насколько трудно работать при кордонном расположении, при котором управление может легко выскользнуть из рук, настолько вопрос упростится при системе действий группами.

Наиболее удобными были-бы бригадные группы. Если наступление по тем или иным соображениям не удалось, надо попытаться продолжить его на следующий день. Неудача и здесь требует прек-

ращения боя и перенесения операции на другой участок, т. к. войска, не давшие на одном участке положительных результатов в течении двух дней, не дадут их и на третий. В них инстинктивно будет говорить чувство боязни противника и его превосходства. Чтоб выбить из них это сознание, необходимы время или перемена обстановки. Противник-же, с своей стороны, здесь усилится и, следовательно, с каждым днем будет труднее прорвать его фронт на этом участке. Командованию придется решить: стоит-ли, все-же, продолжать придерживаться активного образа действий или подсчет сил и обстановка сложились не в пользу атакующего. В таком случае, при отказе, следует расжижить фронт, перейти к группам и выделить резервы, в предвидении возможного контр-наступления противника, которое надлежит встретить ударом из глубины своих резервов.

После сдвига следует перейти к нормальным формам и в кратчайший срок рассосать ударное ядро, выводя каждую дивизию на свою дорогу и в свой район, применяя для дальнейшего движения шахматное расположение. Дальнейшее наступление—марш будет совершаться в бригадних колоннах, причем, предположительно, каждая дивизия, имеет 2 бригады в голове и одну в затылок одной из головных бригад, или уступом, если того требует обстановка. Впереди будет идти разведка -армейская, при наличии армейской конницы, или дивизионная. В зависимости от получаемых от нее данных, армия будет принимать ту или иную группировку для боя; но во всех случаях между дивизиями и в дивизиях между бригадами, окажутся интервалы и бояться их нечего, если охранять их конницей или выдвигаемыми небольшими пехотными частями. При 80-100 верстном фронте армии, дивизии будут вводится в бой в группировке, наиболее удовлетворяющей плану, но также с промежутками. При этом, если при прорыве пассивно стоящего противника было сравнительно легко точно определить его силы и состав, с похода наступающий подвержен гораздо большим случайностям. Вполне возможны случаи, когда противник окажется сильнее против одного из слабых участков наступающего и будет стремиться использовать свое превосходство. При линейном расположении он этого достигнет: при сосредоточенном расположении дерущихся частей, ему это не удастся. Бой будет более упорным, т. к. на коротком участке в нем примет участие большее количество сил и оружия, а, с другой стороны, наличие резервов поставит зарвавшегося противника в весьма невыгодное положение.

Но для этого требуются следующие условия: 1) устойчивость частей фронта и отсутствие боязни их обхода и охвата; 2) маневренность резервов; 3) хорошо налаженная связь между частями; 4) принцип взаимной выручки и 5) движение *на выстрелы*. В этом духе и надо учить войска. Никакой охват не страшен, если только сосед следит за полем боя, не думает осаживать от осаживания соседнего участка, имеет резерв и держит связь.

В этом отношении важно наладить связь в тылу между старшими штабами.

Особое значение приобретает при отходе сосредоточенность частей, но отнюдь не их разбросанность. Отход, маневр весьма трудный его можно совершить в порядке, лишь имея части в руках, т. е. не-

посредственно у себя под боком. На широким фронте их не собрать; при слабой подготовке младшего командного состава они особенно легко расползутся; такие части можно считать потерянными и выписать в расход, как надолго вышедшие из боя.

Кроме того, не следует забывать, что если дивизия при растяжке сможет выдержать бой 2-3 часа, то при сосредоточенном расположении и наличии резервов она выдержит бой с утра до ночи. К вечеру будет видно, что делать дальше, да и командование будет иметь в своем распоряжении для принятия решения—день. Фланги обеспечиваются конницей или выдвигаемыми для этого небольшими пехотными частями.

Из всего этого видно, насколько выгоднее вести части компактно, и что получится при ведении боя с растянутыми по фронту частями.

Второй вопрос, это боязнь конницы противника. Почему то в Красной пехоте существует ложное мнение, что она не может бороться с конницей.

Это совершенно неправильно. Очень мало кавалерийских частей, которые решаются атаковать организованную пехоту. Поэтому при подготовке необходимо приучать пехоту пропускать сквозь себя конницу на всех аллюрах. Кроме того не допускать стрельбы с дальних дистанций и преимущественно прибегать к залповому или вообще кучному огню. Неоценимую пользу окажут пулеметы. Пехоте не следует открывать огня ближе дистанции 800 шагов, а пулеметам — 1200 шагов, ибо огонь с более дальней дистанции будет недействителен и лишь преждевременно выведет часть из подчинения. Кроме того, помимо применения косоприцельного огня с соседних участков, следует использовать и огонь расположенных сзади уступом резервов.

Наиболее беспомощное состояние конницы по прохождении первой линии. Если только конница не ищет более глубоких целей, ее легко привести в замешательство после атаки 1-ой линии, когда в ее рядах отсутствует порядок. Вообще следует отучать пехотинца от боязни кавалериста. Это должно входить в обучение, и этому отделу должно быть отведено подобающее место. Следует отметить, что в отношении неумелого и быстрого использования резервов действительно, армии грешили не раз.

Надо приучить начальников смотреть на резерв, как на средство, пускаемое в бой в последнюю минуту, и на которое младший начальник рассчитывать не должен. Но это обстоятельство должно привести и к другому выводу—старшему начальнику оставлять в своем распоряжении в резерве лишь строго необходимое число сил.

Этого тоже не наблюдалось. Поэтому наступление носило такой характер: начальник дивизии выделял себе бригаду; комбриг в свое распоряжение полк и командир полка—баталион; в результате из общего числа баталионов в наступлении участвовала 1/3, а 2/3—смотрело. В конечном счете, после 1½ часов боя требовали резервов, которые уже не могли дать той пользы, которая получилась-бы, если сразу ударить всеми баталионами или вообще большим числом. Выделение больших резервов допустимо при невыясненной обстановке, но и то

группировка должна в своем зародыше носить идею решения старшего начальника. Поэтому там, где он хочет быть сильнее, ему не надо иметь сильных резервов, а ввести больше в боевую линию. В этом его сила; наоборот, на пассивном участке, он может, как и при обороне, ради придания ей большей гибкости и маневренности, выделить большее число в резерв, так как здесь сила в глубине и придаваемой ею маневренности.

Эти основные данные следует иметь ввиду и учесть при соответствующем обучении войск и, главное, командного состава всех степеней, приучая их правильно оценивать обстановку и применять основные положения тактики, которые при хорошем качестве бойца скажутся и на самом исходе боя.